

ВАЛЕРИЙ ГУРОВ

ДЕНИС СТАРЫЙ

РЫЖИЙ:
~~УБИТЬ~~ *Счастья* СССР

Валерий Гуров
Рыжий: спасти СССР

«Автор»

«Автор»

2025

Гуров В.

Рыжий: спасти СССР / В. Гуров — «Автор», «Автор», 2025

Можно ли спасти СССР? Нужно ли спасать СССР? Мнения разные. Но есть факты. Миллионов жизней стоил распад Союза, стал унижением многих и многих. Вчера советский человек знал, что у него всё стабильно, сегодня он не понимает что хорошо, что плохо, каковы нынче правила игры. Вчера ездили друг другу в гости, во все республики, сегодня стали чужими. Мало того, так еще и в чем-то виноватые. А шмотки, кока-кола, жвачка, джинсы? Стоят ли они великой державы? Для героя книги, ответ очевидный. Что в народе говорят? Кто во всем виноват? Мы слышали поговорку про неоспоримую вину одного рыжеватого реформатора. Так вот... Кто виноват, тот и спасать будет. Рыжий, рыжий конопатый... в которого вселился наш человек, для которого СССР — не пустой звук. Но главный вопрос — как спасать? Легко не будет, но дорогу осилит идущий и знающий!

© Гуров В., 2025

© Автор, 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Денис Старый

Рыжий: спасти СССР

Глава 1

– Хрясь! – мощный кулак фронтовика-танкиста ударил по столу.

Так шарахнул, что меня будто тряхнуло. Зазвенела посуда, на пол отпавились бокал и две рюмки. На столе также нарушилась композиция, которую с трудом и тщанием выстраивала мама.

Светлый праздник дня рождения товарища Владимира Ильича Ленина осквернился новым витком моей ссоры с отцом.

– Ты закончил инженерно-экономический! Я нашёл тебе место в Ленинграде, договорился с людьми. Неблагодарный! – продолжал отчитывать меня отец. – А знаешь, Толя, я ведь и вправду повлияю на решение комиссии по распределению! В ПТУ хочешь? Будет тебе ПТУ. Раз тебе помощь не нужна, раз ты от кандидатской отмахиваешься...

Он выпил рюмку залпом, а после посмотрел на меня с вызовом и снова взорвался.

– Да я запрю тебя в ПТУ, чтобы ты увидел, как жизнь устроена! В облаках летаешь? Летчик-недоучка! Клава, ты слышала! Я ему место уютное предлагаю на кафедре, а он в бурсу метит! Тьфу!

От басовитого тона полковника танковых войск, а ныне преподавателя ЛИЭИ, мне становилось не по себе. Помнит организм, в который я вселился, что Аркадий Борисыч может перейти от угроз к делу. Нет, я не боялся, да и не мой это отец фактически, а родитель того парня, в которого попало мое сознание. Ну и свои доводы у меня имелись.

– Ты можешь разбить всю посуду, это не изменит моего решения. Быть ассистентом в лаборатории по благу – неправильно. Мое решение – нет! Прими это и не пугай маму!

Пока отец выходил из себя, я с невозмутимым видом распределял пюре по краям тарелки, чтобы оно быстрее остыло. Спор спором, а обед по расписанию. Да еще такой, как в молодости. Мама готовила по-советски выверено и вкусно. Вот где нужно было брать ГОСТы на приготовления блюд!

Я подцепил, наконец, ложкой пюре – нежное, без комочка, в меру сливочное. А котлеты по-киевски, которые мы сегодня вкушали... Надрежаю – и только тогда ровнёхонько из серединки выливается масло. Мясо тает во рту. Да, нет украшательства в виде пророщенного гороха, или капель терияки. Так и пошла эта терияка прямо в... Как по рифме, так пусть и идет. А мы будем есть еду, приготовленную с любовью и уж точно без ГМО.

Я совершенно спокойно потянулся за колбасой – докторская была нарезана тоненько, словно на слайсере, но точно руками мамы. В будущем на праздники уже вареную колбасу не нарежали. Но у нас и не только она – в центре букетиком сложены такие же тонюсенькие кружки сервелатика, этих немного – дефицит. Все это знают и едят соответственно. И кушается тогда настолько внимательно, что каждый оттенок вкуса ловишь, ведь это еда не на каждый день.

Отец не отставал – нацепил на вилку кусочек очищенной селедки с колечком лука, съел, посмотрел на меня.

– Давно ты стал считать, что благу – это плохо? Кто меня подговаривал соглашаться идти на работу в ЛИЭИ и помогать тебе в учебе? Что я скажу Дмитрию Николаевичу? Он оставлял за тобой место на кафедре! Какой позор на мои седины! – продолжал сокрушаться родитель.

Селёdochка не помогла. Отец позеленел и начал расхаживать взад-вперед по залу, шепча одними губами: «Нет, вы на него посмотрите, умник какой! Вырастили на свою голову!»

– Аркаша, может... – попробовала вставить свои «пять копеек» мама.

– Аркаша? Вари кашу! Не лезь в разговор, женщина! – разъярился Аркадий Борисович. Я в родительские разборки не лез. Так-то они живут душа в душу. Отец третировал мать, та чаще всего терпит, но оба, как это ни странно, любят друг друга, без сомнений.

– Сынок, отец прав. Он договаривался с уважаемыми людьми, – промямлила мама, то и дело бросая на него взгляды, высматривая реакцию отца.

– Читайте, что я повзрослел и решения принимаю самостоятельно, – твердо сказал я, выпивая компот и выдерживая тяжелый взгляд отца. – Это же вы молодцы, что воспитали человека, способного на собственные решения.

– Давно ли так стало... – пробурчал отец, явно уже устав спорить.

На самом деле причин для того, чтобы не оставаться в институте и не идти на завод по специальности, у меня хватало. Как минимум, я не инженер. Как максимум – мне это без надобности, задачи передо мной совсем другие стоят.

А ведь легче всего было бы пройти по пути человека, тело которого я занял! Я знал досконально, с кем он должен встретиться, как завязывал те или иные знакомства. Но этого не будет никогда.

Я ненавидел все, что было связано с ним – как и людей, с которыми он общался.

Уже месяц мне сложно даже проговорить, кем являюсь. Но когда я спорю, то уже делаю это так, будто Аркадий Борисыч и есть мой родитель. Даже эмоции просыпаются и уважение к человеку, который воспитал... Да что там, гада он воспитал – ну и нарубил он дров, желая прославиться! И оказался в итоге одним из тех, кто развалил великую державу. Ну в смысле – «этот» нарубил, в котором теперь я.

Но отец его, а выходит, мой – достойный человек, честный служака, помотавшийся по гарнизонам и хлебнувший войны. Есть у него, стального мужика, Ахиллесова пята – это я. То есть он... или все же я... запутаться можно... Слабость Аркадия Борисовича в том, что он любит своего сына и живет для него, ну и для его младшего брата.

– Ты там хоть слышишь ли меня? – как будто чуть накопив энергии, отец снова заговорил требовательным тоном. – Опять весь в своих мыслях. Мыслитель... В нашей семье один философ – твой брат, а ты. – отец раздосадовано всплеснул руками.

Я спокойно выдержал взгляд Борисыча. Родитель лишь махнул рукой, а после опрокинул очередную рюмку водки.

День рождения Ильича не задался. Может, нужно было бревно потягать на плечах или с броневика призвать к революции? Интересный был бы перформанс, боюсь, не оценят.

Судя по тяжелому вздоху Борисыча, отец, наконец, сдался.

– Толя, Дмитрий Николаевич – уважаемый человек. Ты ведь должен был стать его глазами и ушами на кафедре... – едва слышно сказал он.

– Понимаю, но все решено, отец. И ты не будешь рабом на галерах у Дмитрия Николаевича. И я не буду ему должен – и не стану руки целовать, – настаивал я на своем.

– Но он ведь пошел навстречу, по большому благу. Я уже договорился о благодарности Дмитрию Николаевичу, – перед принятием на грудь очередной рюмки с водкой, сказал Аркадий Борисович.

– Ничего, югославская стенка, которую ты ему пообещал, вам нужнее. Обсерится твой уважаемый человек, – отрезал я.

Я думал, что сейчас вспыхнет очередная эскалация «кого мы вырастили», «откуда нахватался слов-то таких», «мы семья приличная», но нет – отец устало опустил на стул. Правда мама из уголка зала посмотрела с укоризной. За возвышенное воспитание: стихи, почитание женщин... Бунин, Пришвин с цветочками и бабочками, – все это ответственность мамы. А тут «обсерится»...

Я посмотрел на нашу стенку. Нет, скорее большой сервант, всего на половину стены, в то время, как югославская будет на всю длину. Так что было бы не плохо самим поменять мебель.

Мама даже не держит все «достижения» на обзор, то и дело меняет сервизы и хрусталь. Так что осталось место только для сервиза из тончайшего фарфора с золотом и серебром. Там под каждой чашкой и блюдцем написано «Штутгарт 1879». Да, как и многие фронтовики, кое-что, но отец затрофеил. Будет стенка, все лучшие сервизы и бокалы можно будет поставить на обозрение.

– А не хочешь сам сообщить Дмитрию Николаевичу, что не согласен с его предложением? Ты же взрослый и отвечаешь за свои поступки и решения? – спросил отец.

– Да, я это сделаю. Но не много ли чести для Дмитрия Николаевича?

– Он зам по идеологии!!! – выкрикнул отец.

– Не кричи, сердце прихватит. Понял тебя. Вот прямо сейчас пойду и скажу, что отказываюсь, – сказал я.

– Он может тебе навредить, сынок, – обреченно сказал Борисыч.

– Ну не убьет же? И не посадит... Наверное, – усмехнулся я.

Вот оно – проявление червоточины, что разрасталась и уничтожила Советский Союз. Блат, «Дмитрии Николаевичи»... Не хочу быть должным, не хочу, чтобы фронтовик, сильный человек, коим является мой нынешний отец, прогнулся. Даже не под систему, а под мнение всяких «Дмитриев Николаевичей».

Я встал со стула, обошел праздничный стол, улыбнулся, и приобнял отца.

– Спасибо, отец, ты сделал все, что мог, – сказал я.

В ПТУ я собирался идти не просто так. Профтехобразование – это то, за что вся система образования Советского Союза борется последний год. Оказалось, что профтехобразование не выдает достойных специалистов. Назначили, видимо, причину в проблеме снижения производительности труда в СССР. Теперь по телевидению, радио выпускаются программы про птушников, популяризируются разного рода учебные заведения.

Вот и в институт пришла разнарядка с требованием предоставить преподавателей в ПТУ Ленинграда выпускников не по остаточному принципу, а лучших. Вот я и стал лучшим, краснодипломником, когда попал в это тело. Это заметят, ну а остальное зависит от меня. Очевидно, что газеты и телевидение выискивает хоть какие-нибудь сюжеты о ПТУ. И достаточно сделать хоть что-то, чтобы быть замеченным даже наверху.

Отец остался сидеть на стуле, локти упираются в стол, лицо прячется за ладонями. Я не хотел продолжать разговор и пошел в свою комнату.

– Сынок, ты сильно изменился! – напоследок бросила мать, правильно оценив обстановку, что сейчас отец уже выдохся в споре и она может сказать свое мнение, не опасаясь гнева патриарха семьи.

Изменился... в общении с отцом и матерью я выкручивался, как мог, чтобы меньше возникало вопросов и подозрений. Хотя, и с ними крайне редко общаюсь по тем темам которые касаются общего прошлого.

И всё же новое тело – это насмешка надо мной. Ненавижу рыжих, а нынче сам такой! Остается взять лопату и начать мочить дедушек, если следовать знаменитой песенке.

Всё же в этом доме авторитарный режим. А я в нём несистемная оппозиция. Тьфу ты... Какое нечестивое в голову пришло! Еще бы себя либералом назвал!

Последний месяц я, прикрываясь тем, что иду в библиотеку дописывать диплом, изучаю, скорее даже, вспоминаю, время. Это оказалось не так легко воспринять реальность. И время другое, люди другие, эпоху нужно прочувствовать. Диплом-то уже готов и даже принят преподавателем, уже написана к нему рецензия с рекомендацией поставить «отлично». Но сидеть дома и чахнуть – не вариант.

Кроме того, был бы все время дома, то возникли вопросы.

– Мама спасибо. Было вкусно, – сказал я и пошел в свою комнату, чтобы забрать заранее приготовленную сумку.

Вот, неужели в Советском Союзе не могут пошить нормальные спортивные сумки? Великая же страна! У меня она еще нечего, правда купленная у фарцы.

Телефон зазвонил, когда я уже обувал кроссовки, купленные, опять же с рук. Неприятно было обращаться к фарце, но в магазинах не было нормальной спортивной обуви. И приходится выбирать здоровье и удобство. Опять же... шмотки. Страна космос покоряет, первая в атомной энергетике, мощная химическая промышленность... Нужно-то всего-то пошить сумки, джинсы, чуть больше произвести еды. Казалось бы, что все просто, жаль, что сложностей хватает, но нет непреодолимых преград.

– Сын, это тебя! – сказала мама, протягивая мне телефонную трубку и заговорщицки шепнула. – Татьяна.

Вообще, телефон – это епархия, зона ответственности, или даже привилегия, но не мамы. Как правило, трубку брал всегда отец. Для него, наверное, это было своего рода одним из способов контролировать ситуацию в семье и в наших с мамой жизнях. Кроме того, телефон – это престиж. Его нам установили только год назад, и отец считал это одной из своих побед. Ведь очередь на установку даже в Ленинграде могла длиться годы.

Я хотел было уже сказать, что меня нет, но просто понял, что мама не приложила ладонь к трубке, от чего звонивший явно слышал, как ко мне обращаются. Пришлось подойти к телефону. Моё стремление изолироваться от всего внешнего мира и так уже вызывало вопросы у родителей. Буду отказываться от разговоров по телефону, так опять мама заволнуется, еще психиатров вызовет. Она может, мама живет мной и отцом, опекая нас с приставкой «гипер».

Телефон стоял в коридоре. Для массивного черного телефонного аппарата была специально заказана умельцам, вновь через блат, полочка под красное дерево с фигурной резьбой лобзиком по краям. Наверху был царь-телефон, под ним неизменно ручка, даже шариковая, и блокнот, максимально исписанный номерами. А еще там были записи всяких рецептов, дни рождения знакомых, и много чего иного. Так что это не просто телефон на полке – это инфоцентр семьи, наш сервер.

А еще тут было зеркало... Как же не посмотреться, не пощекотать себе нервы и отдать должное юмору тех сил, благодаря которым я тут. Я – хипующий краснодипломник-чувак. Длинные волосы, шальной взгляд, и рыжий... Анатолий Чубайсов, собственной персоны, чтобы его черти жарили на сковородке, а вместо дров были чеки приватизации.

«Ну, что мой враг... Придется из тебя делать другого человека. Ты страну развалил, мне ее нужно сохранить,» – подумал я.

Я, полковник Каледин, немалую часть своей жизни разрабатывал именно Анатолия Чубайсова. Делал это тайно, собирая компромат, даже понимая, что действую в интересах какой-то другой политической группировки, но я знал о своём подопечном если не всё, но почти всё, и люто ненавидел.

А потом... Меня выкинули из органов, не без участия олигарха. Там, наверху, опять договорились, Чубайсов чем-то поделился, и меня, вместе с компроматом, слили. Вот тогда и ушла жена, причем к одному из приспешников объекта моих разработок. Было ли это намеренное соблазнение моей жены, или она сама... Не важно. Мы и без того уже оказались чужими людьми. Выходила же она замуж за более-менее состоятельного меня, перспективного, уважаемого, сама-то соплячка была из села на Брянщине. Вот и воспитал циничную москвичку.

И вот, когда я смотрел по телевизору, как этот рыжий персонаж приятно проводит время в Ницце, даже не тоскуя ни по родине, ни потому, что он натворил, у меня случился сердечный приступ, оправиться от которого я не мог... Я был один, и скорую некому вызвать. Я был одержим идеей засадить Чубайсова, надеялся, что ветер подул в правильную сторону и на меня даже выходили определенные люди, чтобы помог описать составы преступлений... А он спокойно выехал из страны и живет теперь жизнью олигарха, не перестав влиять на принятие решений в моей стране.

И... Так даже не могу предполагать, кто там надо мной захотел посмеяться, когда сотворил такое, даруя вторую жизнь. Я – Анатолий Аркадьевич Чубайсов! Застрелите меня, люди добрые! Нет, не стреляйте! Я – другой Чубайсов, не тот, которого винули, и небеспочвенно, во всех бедах будущего.

– Слушаю, – сказал я в телефонный аппарат.

– Это я тебя слушаю, чувак, опять на сейшн не пришел? Рингануть слабо, или пальцы в телефонный диск не помещаются? – услышал я женский голос, полный упрёка и претензий.

Приходится «донашивать» чужую жизнь, пока свою не построил. Но вот стоит ли «долюбливать» чужую девчонку...

– Таня, рад слышать тебя, – солгал я.

– А точно рад? А вот у меня радости никакой, прямо сплошная грусть.

– Таня, не играй словами. У тебя что-то ко мне важное? Я спешу, – сказал я уже немного раздражённо.

– А ты уходишь куда-то? – не унималась девушка.

– Да, и прямо сейчас, – припечатал я.

И только короткие гудки в телефонной трубке были мне ответом.

– Я ушел! – выкрикнул я и действительно направился на выход.

– Да куда же, сынок. Я муравейник приготовила, с вареной сгущенкой, а папа достал кофе... Ну как же? – сокрушалась мама.

– Мне нужно пойти и решить вопрос с Дмитрием Николаевичем, – сказал я, но смотрел на отца, ведь слова предназначались ему.

Мне не ответили, и я решил пройтись. Благо, многие сотрудники института жили рядом, на Лиговском проспекте, как и мы. Впрочем, скорее всего, я не застаю дома заместителя ректора по идеологии. Чего ему в День Рождения вождя мирового пролетариата дома делать? Но попытаться нужно.

Так что я бодро вышел из подъезда. То есть, парадной. Ох... Как бы не забыть когда и не назвать парадную подъездом. Сам-то я москвич, шаурму шавермой отродясь не называл.

В подъезде, этой самой парадной, было уютно. Горшки с цветами-токсикоманами, а ведь немало соседей курят на лестничных площадках, тут даже пепельница стоит, но эти ничего, зеленеют. Перила деревянные, недавно покрашенные, но тут нужно уже не красить, а менять брус.

И всегда в парадной чисто, хоть разувайся при входе. Есть график дежурств квартир, о чем свидетельствует табличка у дверей. И можно получить осуждение от соседей, что плохо помыта парадная. Даже не хочу предполагать, какой скандал был бы, если отцу когда-нибудь скажут: «Борисыч, что-то сегодня жена твоя поленилась парадную прибрать». Это же стыдно перед людьми!

Что было не редкостью в Ленинграде, а даже его климатической визитной карточкой, наравне с белыми ночами, моросил дождь. Но это не помещала Тани надеть юбочку не по погоде и караулить меня во дворе.

– Ты как тут? – спросил я, подходя к девушке. – По телефонному аппарату со мной разговаривала и караулила у под... парадной? А сказать, что пришла – не судьба?

– Объясни, что происходит? – изменившимся, умоляющим голосом спросила Таня.

Надо же, какие эмоции, это любовь? Или Таня была и не влюблена? Как будто у девочки забирают любимую куклу, игрушку, без которой она уснуть не может.

– Не ты ли говорила, что двадцать один год – это время задумываться. Я в свои двадцать два года не хочу задумываться о серьезных отношениях, – сказал я.

Волосы у Татьяны были уже намокшие, морозящий питерский... ленинградский дождик ручейками скатывался по её зарумянившимся щекам, нельзя было понять, то ли девушка уже плачет, то ли морщится от падающих капель дождя. Но мокрая юбка идеально подчеркивала

такие же идеальные бедра. Я задержал на них взгляд чуть дольше, чем следовало, что девчонка, естественно, увидела.

– Это все Люда? Ты всегда при ней робел, – вспыхнула она, потешно оперев руки в боки. – Знаешь, нельзя вот так бегать за герлой, которая...

И в который раз пошел поток информации и про Люду, в которую мой реципиент был влюблен, и про меня, и про все на свете. Таня болтала без умолку, а я даже вида не делал, что слушал.

Еще не так давно я бы и не посмотрел бы на такую соплячку. Ведь Таня – совсем девочка для человека, прожившего жизнь. А теперь... Она ровесница, и можно было бы и смотреть, и не только.

– Вот, а я и говорю Валере... – Таня дернула меня за рукав. – Ты не слушаешь? Тебе неважно, что Валера... Ко мне...

– Нет. Ты свободная девушка, – сказал я.

– Кто? Девушка? Ты всегда говорил «герла». Толя неужели...

– Так что там Валера? – перебил я Таню, чтобы не скатываться в односторонние выяснения отношений.

Месяц назад – или больше, чем пятьдесят лет вперед – я умер в будущем и переродился в прошлом. Умер в одиночестве, так что наслаждался теперь любым общением, даже ссорами с отцом. Потому меня даже немного забавляло наше общение, но давать какие-то надежды на серьезные отношения, я Тане не собирался. Ну не хочу я обижать девчонку, она то ни в чем не виновата. Умница, красавица. Другое дело, что прямо сейчас у меня голова забита Дмитрием Николаевичем.

Да и розовые очки с нее снять надо. Чем больше тяну, тем дольше девчонка будет сопли на кулак наматывать. Грубить Тане я не хотел, но сейчас придется-таки повести себя по-хамски, чтобы оттолкнуть.

– Такси! – выкрикнул я, выставяя руку.

Мимо проезжала желтая «Волга», и я быстро принял решение.

– Садись! – сказал я, настойчиво направляя Таню в остановившуюся машину.

– Но... чувак, ты чего? – опешила блондинка.

– Шеф, держи трешку, завези, куда скажет! – сказал я, передавая довольному водителю три рубля.

Так-то за три рубля можно было проехать весь Ленинград по диагонали. Так что таксист не в накладе, это точно. А вот я потратил три рубля. Где еще взять эти рубли, но так, чтобы не нарушать закон? На работе? А сколько платят молодому преподавателю в ПТУ? Сто двадцать рублей хоть есть? Отец мой получает и пенсию, как полковник в отставке, и зарплата с «кандидатскими» – в общем и целом получается больше полутора тысяч рублей. И это... Много, очень много.

Думал я, что Дмитрия Николаевича Некрашевича дома не будет, где-то даже надеялся на это, но нет. Свет в оконце сообщал, что парторг на месте. И я решительно вошел в парадную, поднялся на третий этаж пятиэтажного дома. Дверной звонок сообщал, что тут живет необычный человек, это даже лучше, чем обитая кожзамом дверь. Звонок сразу бросается в глаза, большой, модный. Может, даже птичкой сейчас зачирикает, или... о нет... мелодиями?

Я нажал на звонок и разочаровался – мелодий не было, птички не пели, но звонил он всё-таки необычно, как большой церковный колокол, если слушать издали.

– Ты? Вы? Что надо? – полный, невысокого роста мужчина вышел на лестничную площадку.

Я и раньше имел неудовольствие лицезреть Дмитрия Николаевича. Куда было без него. Парторг, как-никак, пусть и полуосвобожденный, когда выполнял еще и работу профессора марксизма-ленинизма. Пусть мой отец был завкафедрой марксизма-ленинизма, но влияния

Дмитрия Николаевича Некрашевича хватало, чтобы указывать и самому ректору – всё же парт-орг, напрямую общался с партийным городским руководством.

А выглядел, как очкастый алкаш в запое. Нет, такими упитанными пьянчуги не бывают. Майка-алкоголичка, треники с протертыми коленками, правда, вот халат был шелковым и дорогим.

– Поздравить пришел вас, Дмитрий Николаевич, со светлым апрельским праздником, – солгал я.

– В институт недосуг прийти? Все, иди... Отцу привет! Скажи, чтобы фурнитура была, а то...

– Стенки не будет, – перебил я наглого кругляша.

Некрашевич уже повернулся к двери, оказавшись спиной ко мне. Так он и замер.

– Чего? – спросил Дмитрий Николаевич, не поворачиваясь.

– Стенка, югославская...

– Тихо, – парторг резко повернулся и даже попробовал взять меня за отворот пиджака, но я сделал шаг в сторону, и явно нетрезвый Дмитрий Николаевич опасно покачнулся.

– Я так понимаю, что вы приглашаете меня зайти в квартиру? Хорошо, правильно, пойдёмте, а то соседи еще чего лишнего увидят! – сказал я и первым переступил порог дома.

Я зашел. Моментально стало понятно, что югославская стенка явно была предназначена не для самого парторга. «Упакован» – вот такое слово всплыло в голове. Все тут было: и стенка, причем очень внушительная и, вроде бы как, из красного дерева, телевизор «Грюндик» и бобинный проигрыватель, новая мебель. Ладно, пусть так. Он должен получать зарплату даже больше моего отца, ну а знакомств имел куда как больше, чем Аркадий Борисович Чубайсов. Но стенка... Он же вымогал взятку, как это ни назови.

– Мне твой отец уже говорил, что ты чудить начал. Что ты хочешь от меня? Мало я уже помогал? – говорил парторг.

– У нас гости? – из кухни, а откуда еще, выплыл танкер, полностью загруженный, но не нефтью, а калориями.

Жена? Мне даже захотелось пожалеть Дмитрия Николаевича. Он-то пухлый, но низкий. Она – толстая и высокая. Как у них вообще это?.. Как они супружничают? Представил, вздрогнул.

– Ниночка, это мой студент, – ележным голосом сказал Некрашевич.

– Нечего работу на дом брать, – отчитала супруга Ниночка, и про меня «танкер» не забыл. – А вам, молодой человек, нужно больше такта и воспитанности, а не в праздник без приглашения заявляться.

– Учту, – сказал я, на что «танкер» хмыкнул и превратился в ледокол, протиснувшись мимо нас с Некрашевичем, стоявшим в коридоре.

– Так что, Анатолий? – спросил меня парторг, замерший и провожавший взглядом свою жену.

Правду пишут в Писании: каждой твари по паре. Смотришь на этих твоих: твари же, но в паре!

– Я отказываюсь от блага! – решительно заявил я.

– Ты не маленький мальчик... Забыл, что это я отвалил от тебя милицию? Фарцой еще занимаешься? – Дмитрий Николаевич взял паузу, с насмешкой посматривая на меня – ожидал, тварь, что я начну сдавать заднюю.

– Не было такого. Вы, Дмитрий Николаевич, что-то напутали. И как так вышло, что парт-орг института не отреагировал и вовремя не сообщил, что молодежь занимается противозаконной деятельностью? – я ответил ему откровенно смеющимся взглядом. – Этого же не могло случиться.

– Ну-ну... – поиграл желваками Некрашевич. – Если всё сказал, то ты свободен. Я посмотрю твой диплом, нужно же понять... И, кстати, ты слышал, что к нам разрядка пришла – в ПТУ отправить специалиста, да получше? Даже не знаю, кого... Или знаю... Подумай, и уходи!

– ПТУ? И там есть жизнь. Всего доброго вам! – сказал я и вышел за дверь.

Глава 2

Первомай – как много в этом слове для советского человека слилось, как много в нем отозвалось! Праздник труда, весны, ещё один этап для подведения итогов трудовой деятельности, с неизменно твердым взглядом в светлое будущее! Нет ещё оголтелых Дней города с пьянками, гулянками и драками...

А, нет – что-то похожее и на Первомай бывает. Но несмотря на почти вседозволенность, случается редко. Не может же быть что-то идеальным, червоточинка всегда найдётся. А ведь можно было даже в парках расстелить какое-нибудь полотенце поставить бутылку беленькой, пшеничной или столичной... Женщины неизменно собирали с собой в кастрюльки и судки картошку с мясом, соленья, чтобы всё было по-людски. Правда, чаще всего все старались выехать на природу, уже отбыв положенное на демонстрации. Это называлось “маёвка”.

Так что увидеть недовольные лица на шествии было трудно. Вот идет серьезный такой мужчина, в лучшем своем костюме, специально сберегаемом для таких вот мероприятий. Рядом с ним ребенок и женщина, пристально наблюдающая, чтобы муж куда не сбежал. А он все равно радостный, ведь план побега созрел! Или вот – дамочка в яркой, но в меру просвечивающейся блузе. Она гордо несет свой второй подбородок в светлое будущее, показывая всем, что имеет достаток и готова к отношениям. Даже для студентов Первомай – это радость, ведь тут можно встретиться в непринужденной обстановке с друзьями, но не для того, чтобы поговорить об учебе, а найти местечко и, как взрослые...

И все видят, что страна великая – даже верить в это не нужно. Не за горами Олимпиада, все ощущали себя причастными к свершениям великой страны. И эту гордость, этот патриотизм не купить ни за какие деньги. Так это казалось в 1977 году.

На Первомай я не хотел было идти, но встретил недопонимание со стороны родителей. Как им объяснить, что я не хочу встречаться с одноклассниками. А еще Таня... Впрочем, как говорила моя бабушка: “Волков бояться – в лесу не сношаться”. Ох, и веселая была бабуля!

В СССР нету секса? Как бы не так. Он тут есть, иначе откуда здоровая демографическая ситуация? А еще молодежь в достаточной степени раскованная. Это, между прочим, те самые бабки, которые потом будут сидеть у подъезда и записывать кого в наркоманы, а кого в проститутки, иных – так и в либералов, прости господи.

А сейчас будущие поборницы моральной чистоты вкушают разнообразных радостей и вольностей. Впрочем, в Советском Союзе с этими делами было как-то... интимно, что ли. Все занимались, но на поверхности – чистенькие. И да, случалось, это я помню по своей молодости, когда и в двадцать лет девушка еще ни-ни. Но это всё-таки редко.

– Ну же, Тольчик... Ты как будто прячешься ото всех. Чувак, что с тобой? – пристал, как банный лист, Витёк, Виктор Пилигузов, неформальный лидер всего нашего потока.

Чубайсов-младший в своем дневнике писал о Витьке в таком тоне, что можно понять: побаивался и завидовал Виктору Пилигузову будущий реформатор и убийца страны.

– Вот-вот, три сейшена профилонил, лентяй! – услышал я голос за своей спиной и обернулся.

Был сразу чуть не сбит идущими студентами. Шествие не ждёт, шествие идёт! Так что приходилось подстраиваться и идти полубоком, порой и спиной вперед. Но рассмотреть обладательницу язвительного и звонкого голоса я был обязан.

Темноволосая нимфа смотрела на меня зеленоватыми глазами. Невысокая стройная девушка шурилась от солнца и поджимала пухловатые губы, что делало и без того приятный вид девушки крайне сексуальным. Жаль, так прямо ей об этом сказать нельзя – точно не за комплимент примет Или даже такого слова знать не будет.

– Что смотришь, не узнаёшь уже? – проворковала девица. – Или обомлел?

По реакции окружающих, замедлившихся и оборачивающихся, я понял, что мои одноклассники почуяли очередной спектакль. А-а! Ждёте, когда я буду робеть и мямлить, смущаться маленькой стервы?

Лиду я уже встречал раньше, однако нашему разговору тогда помешал мой научный руководитель. Я был вынужден ходить на консультации по дипломной работе, где, по большей части, мы с преподавателем выискивали цитаты из многотомника собраний Ленина, а также занимались правильным оформлением источников и литературы. При этом диплом-то уже написан, это так, может, еще какой источник найдем или пересчитаем эффективность. Так что тогда меня спасли, а сегодня спасения нет.

Но сегодня и я уже другой. Пусть девушка и обладает несравненной красотой, но я – не влюблённый безусый болван, а сердце моё бьётся ровно. Хотя нужно признаться себе, если бы стоял вопрос об уединении с Лидой, то я тут же начал бы активные поиски удобной квартиры. И сделал бы это куда как быстрее, чем с Таней.

– У тебя ленточка... – сказал я и направил свои шаловливые ручки к груди девушки, на которой красовалась красная революционная лента.

Лида, всё так же шурясь, смотрела на меня, но уже другими глазами. Она явно опешила. Ведь я не просто поправлял ленточку, я почти внаглую ощупывал женскую грудь. И, чёрт возьми, мне это нравилось! И грудь, и реакция Лиды.

– Эй! Руки убрал! – опомнилась девушка.

Лида явно засмушалась. Вот только её беспокоило не то, что я к ней прикасаюсь, как на эту мою вольность отреагируют другие?

– Да, Лидок, теперь и замуж можно за Тольчика, – не преминул заметить Пашка Тарасов. – Интим-то у вас уже был.

Пашка в этой компании за штатного клоуна, как сейчас говорят, он шепутной. Сам неказистый, низенький, белобрысый с редкими волосами. Однако, как это часто бывает в природе, если человек внешне так себе, то ему приходится быть более коммуникабельным, чтобы “терлы” внимание обращали и “чуваки” ценили. Так что Тарас старался всё осмеивать, над всеми шутить, в чем и преуспел.

– Вот вы где, ребята, – нарисовался ещё один персонаж, Машка.

С ней мне пришлось чуть плотнее пообщаться, она – сама ответственность, когда я дважды не пришел на консультацию по диплому, сама пришла ко мне, так сказать, повлиять на меня. У нас с ней один научный руководитель. Наверное, в советской молодежной компании обязательно должен быть тот, кто блюдет моральный облик и не позволяет остальным разлагаться. В то же время в компании ее, скорее, терпят. Мария Смирнова, полноватая девушка, при том с маленьким ртом и в целом не притягательным лицом, вызывала у многих оскомину. Культорг и секретарь комсомольской организации всего нашего потока пользовалась своим должностным положением – отшить её было не так-то просто.

– Ну что, понравилось ленточку поправлять? Мягко? – не замечая прихода главной комсомолки, пыталась сохранить лицо и достоинство Лида.

– Скорее, упруго, как и должно быть. И мне очень понравилось. Повторил бы, – бодро отвечал я.

Лида опустила взгляд и даже покраснела. Она явно привыкла к тому, что верховодит мной, как угодно. Судя по записям в дневнике моего предшественника, он часто себя корил за то, что теряет и не знает, что сказать, как только на горизонте появляется Лидочка-Лидок. Мне же теряться нечего.

– Таньке своей ленточки поправляй! Уже все знают, что вы гуляете, – пробурчала Лида и сделала пару шагов вперёд, обгоняя группу студентов третьего курса.

Мы шли в колонне института и махали флагами, а два рослых парня несли транспарант с надписью "Мир Труд Май". Большинство же были со свободными руками, ну или с сумками, в которых что-то позвякивало, и явно не учебники.

– Ну ты, чувак, и даёшь! Бессмертный, что ли? Матвей, Егор Матвеев, узнает, что к Лидке подкатывал, голову оторвет, – под голос диктора, громко прошептал мне на ухо Витёк.

– Она с ним гуляет? – спросил я.

– Она-то нет... – Витек улыбнулся. – А он с ней – да, но в мечтах. Но разве же это важно, когда тебе голову будут отрывать?

– Мимо проходит колонна работников торговли! Уже в первые месяцы текущего года было реализовано... – вещал диктор.

Мы подходили все ближе к эпицентру шествия, после которого колонны распадаются и люди расползаются. Тут культоргам и парторгам нужно не зевать – хотя бы собрать все транспаранты и флаги, чтобы сохранить имущество, частью до Дня Победы, но, скорее, до Дня Социалистической Революции осенью.

Шествие на 1 Мая было не просто манифестацией с красной ленточкой на груди и с плакатами. В обязательном порядке подводились некоторые итоги трудовой деятельности предприятий и организации Ленинграда. Интересно, а что могли бы сказать про студентов ЛЭТИ?

"Студентами института было прогуляно: 315 лекций, 123 коллоквиума, 618 семинаров. Выпито... Выкурено сигарет... Из них Marlboro..."

Ну, этого, конечно, никто в громкоговоритель не скажет. С другой стороны, ну как молодёжи не веселиться?

– Делюга есть, – шептал мне прямо в ухо Витёк, любитель иногда вставить словечко из воровской фени. – Пришла партия левайсов, фирмовых. Восемнадцать пар отдают за одну норковую шубу. Ждать долго не будут, Илья Федорович ждёт от нас действий. Там мани хорошие.

Я старался не показывать своего недоумения. Делишки-то пахивают навозной фермой. В дневнике моего предшественника не было ни одного слова про то, что он занимается фарцой – но намёки я уже накануне слышал. Просто Чубайсов не делал глупостей и не упоминал в своём дневнике про тёмные делишки.

– Нет времени на всякие глупости, – сказал я.

– Глупости? Ты что, уже помешался на своём дипломе? Пойди к Батону, придумай что-нибудь, что кому-то нужна норковая шуба. У него же есть выходы на ГУМ, – как само собой разумеющееся сказал Витёк.

Батон – это мой отец. И у нас с ним никогда не было разговоров на предмет фарцы. Да, казалось, мой отец может достать всё что угодно. И у мамы, насколько я знаю, очень недешёвое пальто на зиму есть. В Советском Союзе мало иметь деньги, нужно ещё и найти, где и что купить. Аркадий Борисович Чубайсов знает злчные места.

– Что по мани? – спросил я.

– Какие мани, Тольчик? Восемнадцать фирмовых джинсов! – шептал прямо на ухо мне Витёк, периодически оглядываясь по сторонам.

Людям было не до нашего разговора, все шли вперёд, предвкушая следующий этап маёвки. Некоторые уже начинали сбегать в подворотни, покидая колонну – это те, кому не терпится накатить – беленькой или портвейна. Такие бегунки, весьма вероятно, быстренько хряпнут азербайджанского креплёного и вновь вольются в стройные ряды празднующих Первомай. Лишь только одно изменится – станут громче кричать приветствия и лозунги! Ну и радость, счастье, эйфория! Если присмотреться, то шествие все больше становится "счастливым", еще бы с десяток километров, и все прямо на ходу в пляс пойдут, а после захрапят на асфальте.

– Ну так как, ты в делюге? Там верняк. Только я предупреждаю, что выйти без последствий не получится, Илья Федорович – мужик суровый, – сказал Витёк и, не дожидаясь моего ответа, будто бы и нет у меня никаких вариантов, отправился к Катьке.

Вроде бы, Витёк даже собирался жениться на Кате, как только защитят диплом и он, и она. Нет, Витёк – далеко не последняя скотина, хотя и есть в нём гнильца. Но вот что касается коммерческой жилки, то тут Витька мало кто догнать бы мог. Однако одно дело – та жилка, другое – нарушение закона.

Мне деньги нужны! Очень, но... фарца может закрыть мне дорогу наверх, или в крайней степени усложнит ее.

– Вот ты где! – схватила меня под руку Таня. – А я там со своими. А вы идёте на маёвку? А давай с тобой сбежим! Чувак, не робей! Когда такое будет, что я тебе себя предлагаю?

Она ухмыльнулась, скрывая смущение под напускной крутостью.

– У меня после Дня Победы предзащита диплома, готовиться нужно, – сказал я.

Таня вмиг потупила глаза, даже отстранилась.

– Что еще? Я же... – сказала Таня.

– Ну? Ты чего? – я приобнял девушку. – Мы с тобой уже поговорили.

– Да! – резко сказала Таня, так что впереди идущий мужчина даже обернулся.

Девушка так держала свою руку, чтобы нет-нет, но коснуться моей. Я усмехнулся и взял Танину ручку. Она встала на носочки и потянулась к моему уху. Пришлось остановиться, чтобы девчонка не упала.

– Я согласна! – заговорщицки Таня мне сказала.

– Так и я не против? Но согласна на что? – спросил я.

Эти девушки... Пять жизней проживи, и можешь не угадать, на что именно она “согласна”. Мужское мышление более прямолинейно. Мы понимаем все однозначно.

Таня остановилась, серьезными глазами, человека принявшего, может и самое главное решение своей жизни, сказала:

– Ты мне нужен. Я хочу быть с тобой, пусть день, ночь, неделю... Сколько получится. Но быть с тобой и быть твоей. И честно-честно, я не буду просить замужества, или настаивать, требовать... Ты только честно скажи, когда соберешься уходить от меня... – на глазах Тани проступили слезинки. – Ну вот... Я это сказала.

– Что будет завтра никому не известно, – несколько слукавил я. – Давай жить настоящим. И сейчас я не хочу на маевку, я хочу побыть с тобой. И какой будет твой положительный ответ?

– Положительный ответ? – Таня рассмеялась, искренне, как могут только счастливые женщины. – С тобой, хоть в Америку.

Ой! Таня прикрыла рот и стала оглядываться.

– Как? Согласна проследовать за мной даже в эту грязь загнаивающегося запада? – рассмеялся я.

Я удобнее охватил руку девушки и мы стали пробираться через потоки людей, на выход.

Шествие двигалось по Невскому проспекту, уже в сторону Обводного канала, не так далеко от моего дома. В том, что родителей не будет дома, причём до позднего вечера, я был уверен. Так почему бы и да!

– А мы... К тебе домой? – спрашивала Таня, проявляя волнение.

– Да. Ты же не против? – уточнил я. – У меня есть отличный учебник по сопромату, прочитаем, повысим свой уровень образования.

– Чего? Сопромат читать будем? – Таня залилась смехом. – Да пусть и сопромат, но, главное, что вместе.

Мы влетели на третий этаж, так скоро, насколько это возможно, при этом не расцепив руки. И вот уже в квартире, спешно разулись, установилась пауза, мы смотрели друг другу в глаза. Медленно, не прерывая зрительного контакта, я взял Таню за руки, спиной вперед повел ее к дивану.

– Ты хочешь? – спросил я.

– А ты? – задала свой вопрос Таня.

– Хочу.

– И я хочу – тихо прошептала Таня, начиная расстёгивать на своей блузке пуговицы.

Она была всё в той же короткой юбке с пуговицами спереди, в которой встречала меня у парадной. Я стал Тане помогать расстёгивать пуговицы на ее юбке. Случайное касание моих рук заставляло девушку вздрагивать, я также был на взводе.

И вот, оно, женское тело, и мое, мужское. Я любовался Таней, оставшейся только в нижнем белье, и здесь и сейчас она казалась мне самой красивой.

– Продолжай! – сказала Таня и зажмурила глаза.

Я продолжил, только чуть пришлось повозиться с лифом, но справился. Помнят еще руки, ну или голова... Или чем я сейчас думаю, да думаю ли вообще? Чувствую и это кайф!

Таня казалась девушкой зрелой, и даже можно предугадать, что в будущем она будет иметь проблемы с весом. Бедра широковаты, но в остальном... А разве бывает молодость не прекрасной? Вот и Таня была красивой, здесь и сейчас – желанной.

Девушка вдруг жадно впиалась меня губами и стала даже покусывать. Я отвечал на поцелуй, хотя ее покусывания становились не всегда казались приятными.

– Что? Я что-то не так, да? – говорила Таня, стараясь при этом прикрывать особо интимные свои места.

Может, я и еще чего хотел, но было достаточно и того, что есть – молодое женское тело, трепещущее от моих прикосновений. И я прикасался, к Тане, она была неловкой, но старалась отвечать на мои ласки. А после я уложил ее на диван, стараясь не смотреть на расширенные и, казалось, немигающие глаза девушки. Она ничего не предпринимала, только обнимала меня за плечи. Чувствовалась неопытность.

– Ай! – вскрикнула девушка, после вскрикивания перерастали в стоны...

– Тебе было хорошо? – укутываясь в покрывало, которое мы только только что бессовестно мяли, спросила Таня.

– Конечно, хорошо! – несколько слукавил я.

– Слушай, Таня, а ты же дружишь с Катей? – спросил я.

– Да... а об этом прямо сейчас обязательно говорить? – девушка показала обиду.

– Почему нет? Ну, можешь не отвечать, – сказал я и демонстративно отвернулся, начиная одеваться.

– Ну не обижайся! – спохватилась Таня. – Ты же сам знаешь, что я у них даже свидетельницей буду, а ты свидетелем. Так что мы...

Не понял я до конца, что – мы... Но вот информация, что любимая подруга Витька является лучшей подругой Тани, у меня и так была. Нельзя спускать на тормозах никакие обиды, ни угрозы, нельзя оставлять незакрытыми свои дела. Иначе все это может сослужить нехорошую службу.

– Ты сама-то знаешь, чем занимается Витек? – спросил я.

– Ты вы же с ними вместе... Но фарцует он, это все знают. Ты же помогал добывать икру, чтобы менять ее на джинсы у интуриста, – удивленно говорила Таня.

Так вот откуда у рыжего, то есть у меня, деньги! Я думал-гадал, узнавал, что родители давали мне не больше двадцати пяти рублей в неделю. А у меня в томике Стругацких лежала записка – ни много ни мало, сто девяносто три рубля. Уж точно в разы больше, чем моя студенческая стипендия.

– Узнай, пожалуйста, что там за Илья Фёдорович. Только не говори, что я интересуюсь. Договорились? – сказал я и полез целовать Таню.

– Зачем? – спросила она, но я закрыл девушке рот поцелуем.

А после... Эх, как же хорошо иметь молодой и здоровый организм. В этот раз Таня была чуть смелее, но все так же неловкой.

* * *

Я понимал, что Дмитрий Николаевич будет меня валить на защите, вот только не выйдет... Накануне я “умаслил” председателя комиссии защиты дипломов. Узнал, что у него есть проблема с хорошими транспортами на первомой и предложил помощь их достать. Отец, как яркий коммунист, идеей проникся и подсказал мне место, где мне смогут помочь. Пришлось потратить всю свою стипендию, но на стол председателя легли транспаранты. Потому я шел на защиту чуть более уверенным в себе.

– Уважаемый председатель комиссии, уважаемые члены комиссии, уважаемые присутствующие! – произносил я заветную фразу, обязательную на защите диплома. – Своё выступление хотел бы...

Под защиту дипломов была отведена большая аудитория типа “амфитеатр”. Сюда вмещалось около двухсот человек, и сейчас было сложно найти свободное место. На защиты дипломов приглашались и представители предприятий, и профильные сотрудники различных НИИ, но сами выпускники занимали всё же львиную долю свободных мест в аудитории.

Моего выступления ждали многие. Как-никак, я шёл на красный диплом, в моём будущем дипломе ещё не было ни одной четвёрки. Предметы, где они были, я успешно пересдал. Но интрига жила – многие уже знали о моей score с парткомом. Так что людям хотелось шоу.

– Постановление Совета народных комиссаров от 1921 года содержало... – продолжал я доклад.

– А что сказал товарищ Владимир Ильич Ленин в ответ на заявление “Главсельмаша” в сентябре 1921 года? – беззастенчиво перебил меня Дмитрий Николаевич.

Мой научный руководитель понурил голову, а преподаватель, который написал рецензию на диплом стал нервно протирать очки. Всем было понятно, что началась публичная порка. Раз уж мне даже договорить не дали.

– Владимир Ильич Ленин заслуженно раскритиковал позицию Главсельмаша, указав на то, что старые методы обработки Земли неприемлемы, – отвечал я. – При этом...

Вид у меня был безукоризненный. Строгий костюм-тройка, галстук, наконец, аккуратно постриженные волосы. Еле успел записаться в цирюльню-то, да ещё нужно было и шоколадку при этом дать.

Но главное, что я был невозмутим.

— А почему Главсельмаш принял подобную позицию, и сколько в этот момент было тракторов на балансе Главного Управления? – последовал ещё вопрос.

И это при том, что проблема первого года существования Главсельмаша никоим образом не касалась темы моей дипломной работы. Просто упоминание этого Управления было своего рода обязательной данью, возвращением к истокам создания сельскохозяйственной машинной отрасли. Везде надо вставлять слова Ленина, порой дипломы и оценивались как раз по количеству ссылок на вождя мирового пролетариата. И что делать, если Ленин не так много обращался к вопросам механизации на селе? Так, только общими фразами и аккуратными пропагандистскими лозунгами.

– А сколько было выпущено сельскохозяйственных машин по итогам Первой Пятилетки? – продолжал осыпая меня вопросами Дмитрий Николаевич.

Дмитрий Николаевич почти что ничего не понимал в производстве сельскохозяйственных машин, как и в вопросе их производительности и использования, однако, как партийный деятель, партком был подкован в вопросах истории и идеологии, окружающих машиностроительную отрасль.

Один за другим в меня выстрелило семь вопросов, и все от парткома. И ни у кого не вызывало сомнений, что это неслучайно. До меня выступали двое, и Дмитрий Николаевич Некрашевич разве что кивнул, когда они закончили выступление.

Лицо я держал и от всех вопросов отбился, но вот перед седьмым решил уколоть парткома, чтобы он наконец заткнулся. Натянул улыбку до ушей и выдал.

– Спасибо за вопрос, хоть это и не относится к теме моей дипломной работы, но я скажу... – и следом выдал матчасть.

Зоя что ли готовился к защите несколько последних недель? Мой научный руководитель с довольным видом заерзал на стуле.

Товарищ председатель комиссии наконец кашлянул в кулак, привлекая к себе внимание.

– Полагаю у уважаемой комиссии вопросов больше нет! Спасибо, Чубайсов!

Дмитрий Николаевич зыркнул на меня своими раскрасневшимися глазами, но промолчал. Вот и славно, а то еще один вопрос от парткома и я гляди, не сдержусь и вылью своё негодование.

Я вышел в коридор, посмотрел на огромную картину, прочно висящую на стене. На полотнище был запечатлён момент, когда Ленин выкрикивал из зала заседания Петросовета, что есть такая партия, которая готова взять на себя всю ответственность власти. Знал бы Владимир Ильич, что в партию в середине семидесятых годов прорвутся закоренелые номенклатурщики и отъявленные коррупционеры, сильно разочаровался бы в своей борьбе.

– А ну, чувак, стой! – услышал я знакомый голос Витька. – Ты что? Бегаешь от меня? Как с нашим делом? Если завтра норковой шубы не будет, джинсы уйдут к другому. Ты понимаешь, какие деньги теряются? Рублей семьсот – точно!

– Понимаю, но ты сейчас не вовремя, – сказал я.

– Слышь, Чубайсов, ты что-то не понял, – сказал Витёк, хватая меня за отворот пиджака.

– Руки, мля! – резко сказал я, ударяя по кисти руки зарвавшегося Витька.

– Я людям обещал, – прошипел Витёк.

– Я знаю. Но я ничего не обещал. А ещё я знаю, как ты хотел меня обмануть, – сказал я, решительно посмотрев в глаза Витьку. – Ты же понятливый и умный чувак. Останемся друзьями, забудем о делишках!

– Не получится! – зло сверкнул на меня глазами Витёк, развернулся и ушёл.

И не поленился же прийти! Его группа дипломы защищает завтра. Должен сейчас сидеть над дипломом и репетировать свою речь с песочными часами, чтобы не выбиться из регламента.

Я, как положено, дождался окончания защит и совещания комиссии. Вскоре нас собрали в аудиторию и начали объявлять результаты. Моя фамилия была в списке в числе последних, поэтому пришлось подождать. Сокурсники получали свои оценки и довольные хотели убежать праздновать, с трудом выжидали время, пока объявят все оценки. Председатель комиссии не спешил, словно издевался над уже бывшими студентами, ведь церемония вручения дипломов – формальность.

Когда в аудитории уже началось шевеление, вот-вот и нашелся бы тот, кто ушел. Меня оставляли напоследок. Председатель комиссии запнулся, посмотрел на парткома Дмитрия Николаевича, тот посмотрел на меня и кривя рожу буркнул:

– Чубайсов! Оценка – пять. Но внедрение диплома отменяется. Не достаточно научной новизны.

Я коротко пожал плечами и вышел из аудитории. Пятерки за диплом для меня за глаза, а внедрять материалы диплома в научный оборот... внедрим, но не сейчас.

Ну а сейчас...

– Здравствуй ПТУ Машиностроения! Я пришел, – сказал я, когда сразу после защиты диплома направился на свое рабочее место.

Я спешил осмотреться заранее. Нужно же понимать, где именно мне работать, как выглядит моя стартовая площадка.

Глава 3

Ленинградское ПТУ Машиностроителей издали выглядело даже неплохо. То есть то, что открывалось взору проходящего человека – это два корпуса: один четырёхэтажный, второй в три этажа. На фасаде обоих корпусов были выложены мозаики с изображением рабочих, комбайна, и что могло бы быть принято за оскорбление для некоторой части ленинградцев – видневшиеся на мозаиках башни московского Кремля.

Но все понимали, что мозаики – типичные, где-то там в Москве принятые и утвержденные, чтобы ничего лишнего не наваяли на фасадах профтехучилищ. Да и сами здания ПТУ строились наверняка по типовому проекту. Не удивлюсь, если точно такое же здание, с тем же изображением на фасаде, можно встретить и в Ташкенте, и в Минске, и в Риге с Таллином.

Так что, когда я подходил к своему будущему месту работы, даже несколько приуныл. Я же вознамерился сделать из ПТУ образцовое учреждение образования! А ничто так не бросается в глаза, как красивая обёртка. Ведь любая комиссия сперва смотрит на то, как выглядят здания, а уже после входят вовнутрь. Первое впечатление может быть определяющим. С каким настроением шагнут через порог, так вся проверка и пройдёт. Если искать хорошее, то будешь замечать его, ну а захочешь найти плохое – так вокруг все покажется в темных тонах беспроектного уныния.

Вот и ПТУ выглядит красиво и нарядно только лишь издали. На подходе к центральному входу даже меня, человека, который был готов увидеть всякое, удивили бесхозяйственность и антисанитария.

Даже под большой вывеской "ПТУ-144 Машиностроения" и то лежали горы окурков, фантиков от конфет, тетрадные смятые листы, какие-то тряпки... А плевков было столько, что в пору рыбок запускать плавать.

За красивым и величественным фасадом – непотребство. Что-то мне это напоминает. Нашу страну. Она великая, она красивая, и вправду мощная, ею гордишься. Осталось сделать только лишь генеральную уборку да организовать всё правильно, чтобы больше не сорить. Не хватает административного ресурса на это? Должно хватать. Мало в стране людей, которые с превеликим удовольствием примутся выгрести мусор из страны – так, может, только и ждут люди великой идеи и конкретных действий.

Вот как бы ни клеймили Сталина... Но страна тогда потрясающе быстро вышла из послевоенного кризиса. А потом... Хрущев кидался великими лозунгами, обещал верившим ему людям коммунизм через двадцать лет, исчезновение преступности, изобилие, о котором только можно мечтать. Но на проверку Хрущ получил даже голодные бунты, как в Новочеркасске, или протесты несогласных в Тбилиси. И нет Хруща, нет его обещаний, так приходят другие – и так обещают... но эти хотя бы что-то попытались что-то дельное сделать. Попытались...

А сталинские артели? Почему было их не вернуть? До сорока процентов внутреннего валового продукта давали частники. И не были эксплуататоры, а трудяги! Только и отличались тем, что трудились не на госпредприятиях. Залатывали бреши государственной машины. И не уходили деньги в тень. А сейчас... Сколько подпольных миллионеров в СССР? Ну да ладно, будем не сетовать, а ситуацию исправлять. Нужно только подняться с низов, дабы иметь возможность принимать какие-то решения.

Когда-то, в другой жизни, я сильно сопротивлялся, не желал становиться начальником, брать в подчинение людей. Всё равно пришлось, и я понял одну истину: получится организовать трёх человек, получится и тридцать. Но если не совладаешь с тремя подчинёнными – всё, не твоё. Вот бы тестировать будущих начальников на тройке капризных сотрудников, а по итогам теста принимать решение о назначении! Хорошо бы! Директора этого ПТУ я бы точно протестировал на профпригодность.

Понятное дело, порядок – или, скорее, беспорядок – выражался не только в мусоре. Прямо на газоне, за неподстриженными кустарниками, стояли курили какие-то парни – надеялись, что за этой зеленой порослью их не видно. Сделать замечание? Нет, пока, нет. Нужно понять систему, познакомиться с администрацией, для чего я тут и нахожусь, а уже после действовать.

– Эй, рыжий! Чё трешься здесь? Рыжий! Закурить дай! – выкрикнул один патлатый акселерат.

Он выделялся среди них пятерых высоким ростом. Переросток стоял в центре своей компании, окруженный остальными парнями, которые до того, как патлатый обратился ко мне, слушали своего лидера с благоговением.

– А ещё уважения я бы тебе отсыпал. Не учили, как к людям обращаться? – жестко отрегировал я.

Он ведь был явно учащимся, и во мне стал просыпаться Макаренко. А что великий педагог говорил про физические наказания за грубость? Стоит ли прощать фамильярность и даже прямое оскорбление в свой адрес? Нет, не стоит. Хотя сперва стоило бы поговорить. Я понимал, что иду в зверинец, где сила играет первостепенную роль. Если проглатывать оскорбления, то они повторяются, я стану не преподавателем, а просто “Рыжим”. И главное, где-то я даже понимаю парней. Ненавижу рыжих!

– Дядя, не тебе учить меня вежливости, – осклабился великорослый детина.

Акселерат посмотрел на свою “банду” – от него ждали решительного отпора. Авторитет лидера был под угрозой.

У меня было своё представление о педагогике и о том, как нужно себя вести в таком коллективе подростков. Пусть на меня окрысятся все те педагоги, которые ратуют лишь за любовь и силу убеждения. Но часто эти цивилизованные подходы в глазах трудновоспитуемых видятся лишь слабостью. Это в студенческой среде можно еще убеждать, хотя и там всё, по большому счёту, держится на санкциях и угрозах. А этих не испугать даже и исключением из комсомола. Да я и не вижу значка комсомольца на поношенной ветровке неформального лидера.

– А теперь рассудим... – усмехаясь, начал я говорить. – Я никоим образом тебе не навредивший, иду себе с миром. Ты начинаешь же меня называть “Рыжим”, что звучит не как определение цвета моих волос, а оскорбление. Скажи, разве я называл тебя прыщавым переростком? Или дубом с отупевшим, как у дерева, внутренним наполнением? Может, быть, я позволил себе назвать тебя дебилом, кретином? Нет, я этого не сделал. Так что и ты имей уважение.

Переросток стоял, как оплётанный. Он не сразу понял, что только что я его обложил оскорблениями так, что и с мылом не вымыться. Но не со мной ему бодаться в красноречии.

– Бондарь, а он тебя тупым назвал, и это... по-всякому, – установившуюся тишину нарушил маленький шкет с почти лысой головой.

И почему в компании всегда такие вот появляются, которым нужно обязательно напомнить, что их кумир только что получил словесную оплеуху? Подстрекатель! Таким бы я ответил на пару подзатыльников больше, чем остальным.

– Слышь... Это... А в морду тебе не дать? – растерялся явный хулиган по кличке Бондарь, решив использовать единственно понятный ему язык угроз.

– Во-первых, многоуважаемый товарищ Бондарь, отдача замучает. Как-никак, я обладатель черного пояса по карате, постоять за себя могу. Во-вторых, ты же не урод конченный, чтобы начинать драку без причины. Или пацанские правила для тебя не писаны? – продолжал я давить на акселерата.

Что до карате, то я специально пугал именно этим видом... Пока еще не спорта, а таинственным боевым искусством, ведь сейчас многие верят, что каратист “одним махом семерых

побивахом”. Карате пока запрещено, только в следующем году должны разрешить секции. Но я мог бы и ответить за свои слова, если нужно.

С первого дня своего пребывания в новом теле я стал заниматься над собой. В прошлом-то я был спортсменом, мастером спорта по самбо, но не без оснований считал себя еще и каратистом. Так что понимание, как нужно развивать свое тело, знания, чем отличается маваши-гери от еко-гери или уракена, имелись. Утренние пробежки, занятия на спортивной площадке, груша в квартире... Пока так и тренируюсь. Но я уже явно не мальчик для битья.

Что же касается “пацанского кодекса”, к которому я апеллирую, то и его нужно было знать. Нельзя даже подходить к подростковому сообществу, если не знать, чем оно живет. Кулаки сразу чесать нельзя, зато можно прижать их авторитетом. Да и уничтожать Бондаря я не собирался. Одно же дело проучить рыжего, да я и сам бы мог не сдержаться и надавать тумачков парню со ржавым цветом волос, но другое – сцепиться с каратистом, да и при условии нарушения негласного кодекса. Ведь для драки нужен повод, которого я не дал.

– Расход? – улыбнулся я.

– Расход, – хмуро, но ровно подтвердил парень.

– Так а с папироской-то как? – маленький провокатор не унимался.

– Заглохни, Молекула! – выверился Бондарь на своего приспешника.

– Что тут происходит? – услышал я грубоватый, требовательный женский голос.

Резко распахнув входную дверь, на крыльцо центрального входа вышла... Нет, выплыл ледокол.

– А мы ничего, Мариам Ашотовна. Разговариваем, – спрятав дымящийся окурок за спину, сказал Бондарь.

– Ты опять за свое, Бондаренко? Я запеку тебя на малолетку. Вспомни последний разговор в детской комнате милиции. Сестру бы и брата пожалел! – не обращая сперва на меня внимания, отчитывала хулигана основательная женщина.

Это была полная, кавказской наружности дама – с усами, которым позавидовал бы стремящийся взрослеть подросток. Ярко-красный наряд женщины будто бы выбран ею в дань эпохе, или она еще не меняла туалет после Первомая. Брюнетка предбальзаковского возраста, в очках с оправой под золото, казалась властной, могучей, хозяйкой не только положения, но и всех тех зданий, рядом с которыми я находился. Хреновая, правда, хозяйка, раз такую грязь допустила.

Что удивительно, пацаны вжимали головы в плечи, будто сейчас отхватят по щам мощной лапой... рукой властной женщины. Большой педагог... Во всех смыслах большой – вот такое у меня было впечатление.

– На уроки! – приказала дама, и пацаны бросились в корпус, правда, вот Бондарь пошел неспешно, нарочито вальяжно.

Ну так авторитет же!

– Вы кто – и кого вам нужно? – спросила у меня дама.

– Я будущий ваш работник, – отвечал я.

Дамочка посмотрела на меня поверх сползших по выдающемуся носу очков. После сняла оптику, с прищуром посмотрела на меня уже невооруженным взглядом.

– Костюм не от “Большевички”, на заказ шитый. Туфли югославские или “гедеэровские”, рубаха выглажена. Мама, наверняка, заботливая. Из небедствующей семьи, глаза умные. И что такому мальчику нужно у нас? – говорила женщина, рассматривая меня.

Мне показалось, или тон мадам стал несколько кокетливым?

– Вам бы в милиции работать, или сценарии писать в “Следствие вели знатоки”, – усмехнулся я.

– В милиции проще, чем у нас тут... Так что же такого молодца привело сюда? Злое распределение? Вы откуда? – продолжала сыпать вопросами Мариам Ашотовна.

Я вкратце рассказал и о себе, и о том, что, напротив, отличник, краснодипломник.

– Ха! Ха! – смеялась женщина. – Усилить ПТУ они решили! Нам тут нужен десантник, и лучше с автоматом, чтобы усилить.

Женщина вновь стала меня поедать глазами. Я также не остался пассивным объектом для наблюдений, рассматривал свою визави. И зря... Этот женский взгляд голодной тигрицы... Ек-макарек! Да ладно! Нет-нет, не нужно! А ведь она смотрит на меня, как хищник на добычу. И ведь думает, что она неотразима. Да, полноватая, но не так, чтобы уж очень... На женщин в весе в этом времени найдутся свои любители. Но я не такой гурман и обжора.

– Так я могу пройти внутрь и познакомиться с местом моей будущей работы? – строго спросил я.

– Можешь, почему бы и не познакомиться, – отвечала Мариам Ашотовна.

Ну вот, опять прозвучало как намёк. А в целом, ситуация даже забавляла.

– Пошли, я проведу тебя к директору, – сказала женщина.

– ПойдемТЕ, – сказал я, акцентируя внимание на вежливом обращении.

Внутри здания было... убого. Мозаика, где была изображена ракета, удаляющаяся в космос, и лица молодых парней с девчонками, провожающих взглядами космонавтов, выглядела свежо и даже интересно. А вот стены, покрашенные ярко-зеленой масляной краской, частью облезлые, с осыпавшейся штукатуркой, этой самой свежести не добавляли. И здесь тоже валялись какие-то бумажки, опашие листочки и даже просто комки пыли.

У входа, за столом, читая книгу, сидела то ли уборщица, то ли вахтер. Она даже не подняла глаз, когда мы вошли. Спящий бультерьер, решивший окультуриться книжкой.

– Дарья Владимировна, Бондарь курит у вас прямо под входом, – сказала Мариам Ашотовна, обращаясь к вахтерше.

– Ну что ж поделывать-то, что непутевый такой! – сказала старушка, смачно плюнула на палец и демонстративно перелистнула страницу книги.

При этом она так и не подняла глаз.

Я мысленно улыбнулся. То, что в некоторых учреждениях как советской эпохи, так и позже порой уборщицы ведут себя, словно директора, я знал. Сталкивался с таким явлением. У меня на службе была тетя Маня, так она полковников гоняла тряпками, чтобы снег стряхивали с ботинок на входе. А еще она все обо всех знала. Можно было бы не у дежурного спрашивать, где тот или иной сотрудник, а у бабы Мани. И все ее уважали, ценили. Видимо, Дарья Владимировна из таких.

Нужно будет позже обязательно с ней завести беседу. Уверен, что узнаю много чего интересного.

– Дарья Владимировна, я к вам обращаюсь, – бросив на меня взгляд, продолжала настаивать на своём Марьям Ашотовна.

– Марина, у тебя что, других дел нет? Отстань ты уже от хлопца, Ванька Бондаренко – хороший парень. Неужо сама не знаешь, каково ему жить с мамкой такой? – отчитывала Марьям Ашотовну вахтёрша, всё-таки оторвавшись от чтения книги.

Моя сопровождающая грозно посмотрела на старушку, но та казалась непробиваемой. Попыхтев, словно паровоз, женщина в красном пошла вперед, увлекая меня за собой.

– Марьям Ашотовна, а вы какую должность занимаете? – спросил я.

– Завуча, – отвечала мне оскорблённая женщина.

Явно характерная дочь Кавказа была недовольна замечанием вахтёрши. С неё слетело игривое настроение, и далее мы молча шли к кабинету директора. Я осматривался, но много тут не увидишь – широкий коридор, лестница наверх, и вот здесь – поворот в сторону административных кабинетов. Лучше особенно и не принохиваться – со стороны столовой то ли пахло, то ли воняло кислыми щами.

А вот приёмная встретила нас ванильным ароматом свежей выпечки. Две женщины увлечённо беседовали, распивая чай и закусывая пирожками.

– ... конечно, я попросила мне тоже отложить, – засмеялась одна.

Мы с завучем удостоились только мимолётного взгляда, две сотрудницы учебного заведения продолжили милую беседу, как будто именно в этом и заключались их профессиональные обязанности.

– У себя? – спросила Марьям Ашотовна.

Ей даже не ответили. Полноватая женщина с пышной причёской и яркими красными бусами с набитым ртом лишь махнула рукой в сторону кабинета директора.

Завуч трижды постучала, но, не дожидаясь ответа, сама по-хозяйски распахнула массивную коричневую дверь, первой переступая через порог.

– Семён Михайлович, я вот вам работника привела, – сказала завуч и спешно покинула кабинет, оставляя меня один на один с седовласым мужчиной.

Директор был пожилым, если не сказать, что старым. Самым ярким, что бросалось в глаза, были его "будённовские" усы. И планки наград, к которым даже хотелось присмотреться. Явный фронтовик, причём воевавший уже не мальчиком, но мужем. Может быть, даже офицер. Рядом с обшарпанным столом, накрытым прозрачным стеклом, стояла побитая трость, которая нужна была ему явно не для форсу.

– Кто таков? – нехотя, с раздражением в голосе, как будто я прервал его телефонный разговор с товарищем Брежневым, спрашивал директор.

– Чубайсов Анатолий Аркадьевич, выпускник инженерно-экономического института. Вот, буду по распределению работать у вас, – сказал я, стараясь быть максимально приветливым.

– Двоечник, что ли? – спросил Семён Михайлович.

– Нет, красный диплом, – спокойно отвечал я.

Вот тут впервые и проявился интерес директора к моей персоне. Он снял очки, протёр их полотенцем, лежащим рядом на тумбочке, и только потом, вновь вооружив зрение оптикой, пристально посмотрел на меня.

– И на кой ляд ты мне здесь сдался? – спросил директор.

– По распределению обкома партии и управления направлен на усиление профессионально-технического образования, – отрапортовал я.

– Ты же из этих... блатников? – с явным раздражением спрашивал директор.

– Я убеждённый комсомолец. Оставляли в институте штаны протирать – я решил, что это не для меня, – сказал я.

– А тут, стало быть, штаны протирать не будешь... А может, у тебя какие иные планы? Пришел посмотреть?.. – с прищуром спрашивал фронтовик, как будто увидел во мне вражеского шпиона.

– Нет, – с усмешкой отвечал я.

– Ну, познакомились – и будет, ступай! Раньше конца июня не жду, – сказал Семён Михайлович и бросил мимолетный взгляд в сторону. – У меня ещё много дел.

Понял я, какие именно дела он имеет в виду. Чуть в стороне, за откидным календарём, стояла маленькая шахматная доска с расставленными фигурами. Я сильно отвлекал директора от разбора шахматной партии. Но это наблюдение – мне в копилку. Так-то в прошлой жизни я неплохо играл в шахматы. Да и профессия у меня была такая, что нужно постоянно поддерживать в работоспособном состоянии свою голову. А лучше книг и шахмат ничто не развивает мышление.

Из кабинета я вышел, а уходить из ПТУ так быстро не хотел. Потому прошёлся по этажам, заглянул даже в две аудитории, послушал ругань возле одной двери, так и не поняв, кто больше матерился: учащиеся или всё-таки их преподаватель. А ещё я чуть ли не покурил. Мой

реципиент-то увлекался этим пагубным делом. А я вот на склоне прошлой жизни бросил из-за сердца курить, так психологически сейчас и не тянет. Зачем начинать? Хотя общество такое, что пристраститься к никотину может любой, даже не курящий. Куда ни зайдёшь, отовсюду пахнет дымом.

После я ещё вышел во двор. Между двумя зданиями, которые открываются прохожему человеку, во дворе, находились сразу две мастерских, где осваивались профессии на практике. И снова грязь, окурки, блуждающие по двору неприкаянные учащиеся, курящие и харкающие на изрядно потрескавшийся асфальт.

Первоначальной цели на сегодня я достиг. Познакомился с руководством, смог, пусть и поверхностно, понять ту степень расхлябанности и неорганизованности, которая здесь царит.

И вот что я могу сказать. Я рад подобному положению дел. Чем больше было бесхозяйственности до моего прихода, тем лучше будет виден результат моей деятельности.

* * *

– Кто тебе сказал, ну кто тебе сказал, что тебя я не люблю? – надрывался вокально-инструментальный оркестр ресторана.

– Святое дело – отпраздновать окончание института и пригласить в ресторан своих преподавателей! – сказал мой отец, когда я размышлял над тем, стоит ли мне идти на это мероприятие.

А почему бы и нет? Ведь, по сути, самый сложный период своего становления в новом времени я уже прошёл. Во время пьянки-гулянки вряд ли кто-то будет всерьёз интересоваться моими знаниями о прошлом.

А вот то, что связи с одноклассниками надо всё-таки поддерживать, очевидно. Многие студенты в инженерно-экономическом институте являются представителями Ленинградской элиты. И с этим мириться нужно, искать свои резоны в знакомствах. Если бы я стал самым жёстким антагонистом всех советских элит, то наиболее вероятным окончанием моей бурной деятельности было бы лечение в психиатрической больнице.

Да и невозможно что-либо изменять, не прочувствовав всю пагубность негативных явлений. Блат сейчас дороже денег. Деньги-то у людей чаще всего есть, купить бы то, что хочется или что нужно. Советскому Союзу нужны товары!

– Отчего такой солнечный мальчик не танцует? – мои размышления прервала Лида, подсевшая на стул рядом. – Что пьёшь? Хочешь Наполеона?

– Я не Жозефина де Богарне, чтобы Наполеона хотеть, – отшутился, будто отбрыкнулся я от девушки.

Но шутка, на удивление, зашла.

Из прошлой жизни я знаю, что, если женщина смеётся даже с глупых шуток мужчины, значит, он ей приглянулся. Вероятнее всего, у Лиды сработал рефлекс хищницы, собственницы. Когда я перестал за ней бегать, теряться в присутствии девушки, когда появилась Таня, то оказался вдруг нужен. Но такой геморрой не нужен мне.

– Как поживает Матвей? – задал я провокационный вопрос.

– Своей жизнью. А у вас с Танькой уже любовь? – хмельным голоском спрашивала Лида. – У вас было?

Джентльмены на такие вопросы не отвечают. Ещё не хватало, чтобы я вот так пошло хвастался собственными успехами и порочил имя Танюхи..

– Один раз в год сады цветут, – на разрыв голосовых связок пел уже изрядно пьяный солист ансамбля.

– Потанцуем? – Люда прищурилась.

– Пошли! – я коротко пожал плечами, желание красивой дамы – это закон.

Выйдя в центр танцпола, или как это сейчас называется, я было подал Лиде свою левую руку, но девушка схватила меня обеими руками за шею и прижалась всем своим захмелевшим и чуть потным телом. Такую стойку в танце в моей молодости называли "комсомольской". Она отличалась от "пионерской", при которой мальчик и девочка танцевали на расстоянии вытянутых рук. Комсомольцам, мол, можно прижиматься и плотнее. По логике вещей... Членам партии доступны оргии? Чтобы только не сказануть такую плоскую шутку в голос.

После того случая с Таней мы с ней виделись дважды, погуляли, словно шпионы, прячась от людей, чтобы целоваться до онемения челюстей. И я понимал, что не любовь это, но нахлынула такая ностальгия по юности, что я как-то сам увлекался и был с Татьяной искренним. А теперь здесь ко мне прижимается ещё более интересный женский организм со смазливой головкой.

– И что, я тебе уже вообще не нравлюсь? – прошептала мне на ухо Лида, практически касаясь своими губами мочки уха.

– Отнюдь, – ответил я.

Девушка ждала продолжения, возможно, моей исповеди, жарких признаний и клятв. Но "отнюдь" – было единственное, чего она дождалась во время танца. Знала бы девочка, какие у меня возникали мысли! Но, воздержание от глупости – важная характеристика зрелого ума. А я, смею надеяться, всё же больше человек, проживший жизнь, чем юноша, только вступающий на тропу действительного взросления.

– Козёл! – Лида одарила меня неллицеприятным эпитетом, как только закончился танец.

– Вот шалашовка! – усмехнулся я ей вслед.

Ансамбль сыграл "Шизгара", в душном помещении еще больше стало попахивать потными телами, а я решил пообщаться с комсомолкой Машей. Нет, не ради того, чтобы закрутить интрижку с пухленькой девчонкой, которая, казалось, высыпала на себя целый мешок разноцветной штукатурки, так ярко была покрашена. Я хотел узнать у Маши подноготную городской организации комсомола, кто там за кого. Не упустившая возможности выпить шампанского, Маша наверняка рассказала бы мне много интересного.

Понятно, что пробиваться без того, чтобы стать своим в этой организации, не выйдет. Более того, мне нужна хорошая характеристика от комсомола, чтобы исключить возможные проблемы при вступлении в партию. И лучше Маши всю эту комсомольскую кухню никто не знает.

Что до выпивших, то трезвым мог считаться только я, хотя и выпил немного бренди с некоторыми преподавателями, как и с нужными мне студентами.

Удивительно, но на столах не было алкоголя, кроме пары десятков бутылок шампанского человек на сто, не меньше. И, по большей части, это шампанское так и не было открыто. Зато напиток "Буратино" чудесным образом стал карамельного цвета, а иногда так и вовсе прозрачным. А в туалете будто бы был ликёро-водочный завод, куда приходили уже бывшие студенты, где наливали в тару предпочитаемые напитки. По шестьдесят рублей с носа – в такую астрономическую сумму нам обошёлся банкет.

– Толян, пойдем покурим! – подошёл ко мне Витёк.

Он перехватил меня на полпути к главной комсомолке потока. Я весь вечер ловил на себе взгляды Витька, которые не сулили ничего хорошего. Обиду на меня копит. Но, как известно, на обиженных воду возят – и балконы на них падают.

– Не курю и тебе не советую, – бросил я и уже собрался уходить, но Витек перегородил мне дорогу.

– Что, зассал? – с вызовом спросил изрядно пьяный Витёк.

– Ты уверен, что тебе это надо, Вить? – вздохнул я.

– Не, если зассал, так и скажи! – Витя сверлил меня осоловевшими глазами.

– Ну пойдем... покурим, – вздохнул я.

Конечно, можно было бы подумать своим взрослым разумом, что этого делать не стоит. Однако новости о том, что Чубайсов зассал, разлетятся по всему Ленинграду молнией. Потом доказывай...

– Ну, и что ты хотел? – спросил я, как только мы вышли на крыльцо ресторана.

Здесь ещё стояло много людей, которые действительно вышли покурить. Курить можно было бы и в зале, как и поступали некоторые приглашённые нами преподаватели. Но большинство всё-таки предпочитали выйти на воздух. Было сухо – в целом Ленинграде неделю не было дождя! – и солнце палило нещадно. Так что мужчины выходили, скорее, чтобы немножко охладиться.

– Пошли туда! – сказал Витёк и попробовал дёрнуть меня за пиджак, но я убрал свою руку.

Сам пошёл за угол, приготовившись не бить, а, скорее, скрутить буяна, которому так сильно захотелось драки.

– Ну привет, любовничек! – сразу за углом стоял громила.

– Вот, Матвей, привёл! Он только что мацал Лидку, – победным голосом произнес Витёк, потом повернулся ко мне и добавил. – Это тебе, сука, за то, что подставил меня с шубой. Илья передаёт, что ты ему должен. С тебя пятьсот рублей.

– Это ты, значит, мою Лидку за жопу мацал? – накачивал себя Матвей, разминая пудовые кулаки.

Глава 4

– Че ссышь? – торжествующе спросил бугай и попер на меня.

Я помню заветы государственного лидера, при котором я жил последние десятки лет. "Если драки не избежать, нужно бить первым" – так гласило наставление одного известного на весь мир россиянина.

Матвей не ожидал, что я подойду к нему вплотную, оттого и не среагировал на мой манёвр.

– Хрясь! – я резко ударил головой в нос бугаю.

Такой коварный удар должен был срубить его наповал, но этот Матвей только пошатнулся назад и согнулся, схватившись занос. И это тоже неплохо, а давать возможность опомниться здоровяку я не собирался.

– На! – всадил я ему, сгорбленному, коленом по бороде.

Вот теперь бугай завалился, однако даже на секунду не вырубился.

– А-а-а! – это навалился на меня сзади Витёк, принаравливаясь душить.

Если бы он не огласил криком свои намерения, то имел бы какой-то шанс ухватиться за мою шею. Однако, на удивление – видно, сработал рефлекс из прошлой жизни – я моментально перевёл руку бывшего дружка и подельника на болевой приём.

– Че Витек, мал клоп, да вонюч – это про тебя? – усмехнулся я.

– Отпусти, сука! – взмолился Витёк.

Я посмотрел на корчащегося Матвея, ослабил хват и пнул коленом под зад Витька. Он свалился на асфальт рядом со своим сообщником.

– Бабу твою, если она твоя, я не трогал – и отшил её. Подойди и поговори с ней! Но захочу, буду с ней, – я чуть повернулся в сторону поднимающегося с колен Витька. – А ты вообще гнида! Решил сравить меня с Матвеем, потому что я отказался участвовать с тобой в темных делишках? Сука и есть!

Я с невозмутимым видом отряхнулся, не показывая своим противникам, что драка с ними для меня также не прошла бесследно. Удар головой был исполнен не лучшим образом – теперь весь лоб гудел. Завтра, наверное, будет ещё и шишка.

– Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес Советский Союз, – уже на автомате, по большей части держась за микрофонную стойку, пел вокалист ВИА.

Но всем было уже наплевать на ноты и вообще качество исполнения песни. Празднование выпуска перерастало в вакханалию, за которую многим будет на следующий день стыдно. Как, вон, Лидке, отпрысывающей так, что платье задирается выше пупа. Хороша, чертовка! Я то и дело ловил на себе её взгляд.

Но нужно и честь знать.

Еще ведь надо подготовиться к работе. Чувствую, легко не будет. Ну и чуточку отдохнуть не помешает, только не в ресторане.

* * *

– Ой! – отреагировала Таня, когда очередной презерватив слетел, как будто отпустили незавязанный надутый шарик.

Действительно, "ой". "Резиновое изделие номер 2" было изготовлено из довольно толстой резины, но оттого не особо прочной, как резиновые перчатки. И рвались презервативы, и слетали – да и, мягко сказать, ощущения не те. Но без них опасно. Плодить проблемы на ровном месте не хотелось.

– Я заказала Витьку, ты только не обижайся, через Катю заказала, импортные эти... – смешно было смотреть, как Таня покраснелась, не решаясь произнести слово “презерватив”.

Только что вытворяла акробатические кульбиты на ковре, привезенном отцу прямиком из Ташкента, а теперь от слова смущается.

В начале июня, когда отец все же умудрился повлиять на график экзаменов так, что у него образовались аж десять свободных дней, родители укатили на юга, в Ялту. У Аркадия Борисовича Чубайсова были свои люди в профсоюзе, так что отличные путевки достать он смог без большого труда. Наверняка, отец мог даже оплатить за услугу продуктовым набором. Так что у нас с Таней теперь были ежедневные кардиотренировки. Я начинал привыкать к бурной и регулярной половой жизни.

– Тань. Я не хочу, чтобы ты что-то заказывала у Витька. Дело, конечно, твое, ты вольна поступать, как знаешь, но мне это не нравится, – сказал я, когда мы уже лежали на ковре, усталые, довольные, созерцающие потолок.

У отца руки росли откуда надо, так что в доме, на потолке, в изобилии была лепнина. Вокруг чехословацкой хрустальной люстры, по большому благу и за большие деньги купленной отцом, был вылеплен круг, внутри которого шли розочки. Это прямо шик по нынешним временам.

– Останешься на ночь? – спросил я Таню.

– Останусь. Я уже поговорила с Катей, она меня прикроет. Но у меня послезавтра экзамен... Нет, все равно останусь, – девушка подхватила. – А ты не голодный? Я же быстро, я умею.

Интересные виды открылись мне, когда Таня встала, увлекательный орнамент. Но есть действительно хотелось.

– Там размороженная венгерская курица. Придумаешь, что с ней сделать? – спросил я.

– Венгерская? Это которая в упаковке – и потроха в отдельном мешочке? – удивилась девушка.

– Она и есть.

В отличие от “синих кур”, которые в Советском Союзе встречались повсеместно, по крайней мере, в Ленинграде, как в городе первой категории обеспечения, венгерские куры больше всего были похожи на привычных мне бройлеров из будущего. Белые, пухлые, с ощином таким, что не приходилось дополнительно осмаливать перья на конфорке. Короче говоря, одно удобство. А особенно в такой период, когда и ухаживания ещё не закончены.

И даже для Тани, девушки из очень богатой по советским меркам семьи, а ее отец начальник СТО, четвертой по номеру, из четырех существующих в Ленинграде, такие куры были редкостью.

– Я ее смажу майонезом, чуть посыплю лимонкой... Пальчики оближешь, – воодушевилась девушка.

– М-м-м! Насчет оближешь...

– Ай, да что ты! Потом, утомил уже. Поесть нужно, – будто сварливая жена, сказала Таня, потом осеклась и внимательно посмотрела на меня. – Витя сильно злой, Толь. Говорит, что теперь какой-то Илья будет с тобой конкретно разбираться.

– Я боюсь за тебя, – шепнула она. – Хочешь, я дам денег, чтобы Витек отстал? У меня есть, ты же знаешь, что мой папа...

– Нет! – жестко отрезал я.

– Но ты же потом отдашь! Это просто в долг!

Я медленно покачал головой. Таня кивнула в ответ и шмыгнула в кухню.

Проблема моя, и втягивать в нее Таню я не буду. Хотел бы её «решить», так и выполнил бы обещание, данное прежним Толей и обеспечил доступ к норковым шубам через отца. Схема там простая: за норку интурист дает джинсы, например пятнадцать или больше пар. Ну

а после эти джинсы продаются с наваром больше тысячи рублей с одной сделки. Да, заработать можно хорошо, но таким Макаром я не повлияю на Советский Союз. Поэтому нет – твёрдое и категорическое.

– Лучшая помощь от тебя, если только ты сама захочешь, это подсказать о том, что делает Витек, и предупредить меня о его очередном глупом поступке, – сказал я.

Катя-то, девушка Витька, его, вроде бы как, в скором времени жена, все равно остается подругой Тани. Хотя после выпускного девчонки и общаются разве что тайком от Витька. А тот как с ума сошел. Вот что “золотой телец” делает с людьми! Получив от меня отставку, а потом еще вдогонку и по морде, он все равно думает силой приобщить меня к своим делишкам.

Илья, Илья... Кто это такой? Насколько серьезный человек? Все, что я о нем успел узнать – он контролирует часть ленинградской фарцы, и далеко не большую ее часть. Длинные у него руки? Но все равно, не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше мир прогнется под нас.

– Так ты поговоришь с Катей насчет делишек Витька? – выкрикнул я в сторону кухни.

– Поговорю! Но она такая... влюбленная в него, слушать ведь не станет, – отвечала девушка.

Я поднялся и, чтобы не надрывать голосовые связки, тоже пошел на кухню. В переднике на голое тело у плиты стояла счастливая девушка с растрепанными светлыми волосами и покрасневшими щеками – то ли от стыда за то, что только что вытворила, то ли от прилива крови после физических нагрузок.

Поддавшись порыву, я подошел и обнял девушку.

– Я сделаю для тебя все, что хочешь! – прикрыв глаза, сказала Таня.

– Все? – игриво спросил я.

– Что, еще раз? – удивленно спросила Таня.

– Ты о чем? – издевался я над девушкой.

Таня зарделась. Я догадывался, что она имеет в виду. Но подумалось о другом.

– Слушай, вот что. Твой отец ведь работает на станции обслуживания автомобилей? – уточнил я.

– Да! Починить машину нужно? Так я договорюсь. Отец любит меня, он сделает все, что я попрошу. И денег не надо, – обрадовалась Таня, которая, видимо, искренне хотела мне угодить во всем.

– Да, нужно. “Волгу” двадцать первую починит? – спросил я задумчиво.

В голове родилась интереснейшая мысль, как сделать маленький шагок на пути своего становления неким авторитетом в ПТУ. В училище есть на балансе “Волга”, об этом знают все, особенно была в курсе вахтерша тетя Даша. И это головная боль и директора, и комитета по образованию. Машина есть, и не только в моем ПТУ, все профтехучилища в свое время получили такие машины, списанные с таксопарков, но, как считалось, должны еще послужить на благо образованию.

Только вот незадача... О том, что автомобили, тем более начала шестидесятых годов выпуска, требуют тщательного ухода и периодического ремонта, мало кто подумал. Передали авто – и все счастливы, на бумаге все прекрасно. А денег на ремонт просто-напросто не закладывается. Да и ладно бы еще деньги, тот же директор училища Семен Михайлович Ткач изыскал бы средства. Но где чиниться? В комитете образования предлагали нам всё сделать у себя, в училище.

Что ж, может, среди педсостава и найдутся умельцы, но детали...

Так что уже за решение этого вопроса я должен заработать определенные очки в свою карму. Решено...

– Так тебе нужно чиниться? – повторила свой вопрос Таня.

– Да! – решительно ответил я.

- Но это будет стоить тебе, чувак... – игриво прищурилась девушка.
- Снимай фартук, отрабатывать ремонт авто буду, – усмехнулся я.
- А он разве сильно мешает? – со смешком сказала Таня.

А жить, как говорится, хорошо. А хорошо жить в Советском Союзе – еще лучше! С красивой девушкой да с венгерской курочкой в духовке – песня, а не жизнь!

* * *

– Здравствуйте, Семён Михайлович, – поздоровался я, переступая порог кабинета директора.

Сперва зашевелились усы главного человека в ПТУ-144, и только после я услышал его бормотание. Явно товарищ Ткач был не в духе, даже шахматные фигурки валялись по столу, а пепельница переполнена папиросами. Директор курил “Беломорканал”.

– Сдался ты мне на больную голову! Ещё потом смотри за тобой, чтобы не обидели ребёнка, – не прекращал своё причитание Семён Михайлович, явно навеянное завучем. – Мне тут рота десантников нужна, а не...

– За мной присматривать не нужно. За свои поступки я сам отвечаю. И я не из тех, кого будут бить или унижать наши подопечные, – решительно сказал я.

Я выделил интонацией – конечно, “наши”, а не какие-нибудь “ваши”. Я здесь, я часть коллектива, со мной тоже нужно считаться.

– Смелый и решительный? – уточнил директор и устало посмотрел на меня. – Так вот тебе комсомольское задание: чтобы сегодня в общежитии ночью не произошло никаких неприятностей! Будешь дежурить на усилении. Нет? Вали тогда на все четыре стороны. Я дам открепление, переведешься на отработку куда-нибудь.

– Если надо и если это входит в мои обязанности, то я буду это делать, – спокойно и уверенно говорил я. – Что насчет перевода, то я не перелет какой. Справимся!

– Потом не жалуйся! – с усмешкой сказал директор. – Экий герой соц труда, ити его мать!

Что в нём изменилось? При первой встрече он показался вполне дружелюбным. Или же тогда посчитал, что мальчик явно передумает работать в подобном месте?

– Семён Михайлович, прошу обращаться ко мне на “вы”. По крайней мере, пока у вас не кончится весь негатив в отношении меня, – решительно сказал я. – А то я ведь тоже могу вам начать тыкать и по имени называть.

Директор аж закашлялся, схватился за трость.

– Обращение на “вы”, молодой человек, нужно ещё заслужить.

– Не спорю. Но субординация, она либо есть либо нет. Давайте так, Семен Михайлович, я в общежитие наведаюсь и порядок наведу. Справлюсь – и мы начнем субординацию соблюдать.

Михалыч молчал, обдумывал, но с таким выражением лица, что я даже сразу мысли его прочитал. Мол, пришел такой пострел на мою седую голову!

Наконец, директор крутанул передо мной какими-то листами бумаги.

– Очередное «изнасилование». И ладно бы родители насильника были не против свадьбы, все бы и утрясли. Так нет! Заартачились, Комитетом по образованию и райкомом партии грозятся, – выдал он, соглашаясь с предложенными мной условиями.

Мне нечего было пока сказать на тревоги директора. Так что я поспешил покинуть кабинет. Общага – это отличный шанс познакомиться с коллективом поближе.

Что в такое общежитие студентов, пусть и учащихся, – я знал прекрасно. По молодости бесчисленное количество раз лазил к девчонкам в комнату, и это было весело и задорно. Тогда это казалось неким романтическим приключением. Теперь же я понимаю, что это просто дурость. Ноги в гипсе, сломанный позвоночник, разбитые черепа – вот чем заканчивались лазания в

общежитие для других парней. Просто всё это замалчивалось. А зря, может, у кого-то вместо бурлящих гормонов победил бы в сознании разум!

В общем, надо пообщаться с ребятами. Понятно, что лазить они не перестанут, но я может с ними своим опытом поделюсь. Мне ли не знать, какой разврат твориться в общежитии! Я ведь жил в Москве, был коренным москвичом, а следовательно, первостепенным по важности объектом для многих приезжих девушек. Разное было – на то и молодость.

Общежитие ПТУ-144 выглядело куда как приличнее снаружи, чем большинство общежитий, в коих мне посчастливилось побывать в прошлой жизни. Новенькое, только в позапрошлом году сдано, в десять этажей с балконами Правда, штукатурка и здесь уже кое-где обвалилась, но ещё не критично.

– Милые дамы, здравствуйте! – поздоровался я с вахтёршами.

Вахта располагалась, конечно, прямо на входе в общежитие, справа, в углу небольшого холла, за которым была лестница из десяти ступеней к лифтам. Казалось, что я попал в ботанический сад, столько здесь было декоративных цветов. Но возвышался над всем этим зеленым великолепием метра два в высоту и с приличной кроной лимон. Причем с веток свисали лимончики! А что, кошерно... Выпил, сорвал лимончик, закусил. Ну или чай попить.

И вот здесь, словно на курорте, чтобы спрятаться в кроне дерева от палящего солнца, под лимоном, сидели две дамы. Одна была полной, с окрашенными в жженный светлый цвет волосами и пышной причёской, другая, напротив, худощавая и с короткой стрижкой. Общим было явно за пятьдесят. И, очевидно, что они своей работой нисколько не тяготились.

На столе, на газетке лежало сало, зелёный лучок, нарезанный хлебушек. До моего прихода дамы вели под сенью лимона неспешную беседу.

– Приятного аппетита, – пожелал я.

– Ага, спасибо. А ты к кому, парень? – с полным ртом спросила полноватая дама с пышной причёской.

– Я ваш новый сотрудник, – я старался быть приветливым.

Вытерев рот явно казённым полотенцем, которых, наверняка, не хватает, чтобы раздать проживающим, пышноволосяная дама пристально меня осмотрела.

– Экий жених! – высказала своё экспертное заключение женщина.

– Для дочки твоей прямо-таки подойдёт! – заметила другая дама. – Вот только рыжий... Не нравится мне рыжие...

И сверкнула глазом.

– Я тоже рыжих не люблю, – сказал я, и дамы громко, с хрюканьем рассмеялись.

А приятные мадамки. Понятно, что нашли себе теплое местечко, где и работа такая, что захочешь и не найдешь, чем заниматься. Однако, все ли так в их трудовой деятельности? Меня тут пугали чуть ли не фронтовыми условиями, а тут надо же – мамзели под лимоном чаи гоняют?

– Дамы, а не угостить ли вас молочным шоколадом? – спросил я, доставая из внутреннего кармана плитку "Алёнки".

Лакомство несколько подтаяло, несмотря на то, что на улице пасмурно. Но разве это остановит сластен?

– Гляди-ка, Никитична, а он ещё и щедрый. Для Ленки твоей само то в женихи, горе только, что рыжий, – балагурила женщина с короткой стрижкой.

– Все правильно! Рыжие – все бесстыжие, – поддерживал я атмосферу.

– Это точно. Был у меня один рыжий...

– Ну, Ивановна, при живом-то муже! – насмешничала вторая, не забывая при этом приглядываться к салу.

– А ну... Муж, если что, подвинется, у нас кровать широкая!

– Так у такого молодца и невеста, поди, найдётся. Вот была бы я годков на двадцать моложе... – крашенная не договорила, обе дамы залились громким смехом, вновь изредка нечаянно похрюкивая.

Смеялся и я. Даже не для того, чтобы понравиться этим женщинам, рядом с которыми, наверняка, мне придётся теперь периодически держать оборону в общежитии. А потому, что было с ними как-то очень легко, непринуждённо. В кабинете директора я был словно в строгом костюме-тройке, а сейчас перед этими женщинами стою в одних семейных трусах с дырками, по-свойски, по-домашнему, да почесываю пузцо.

Слава богу, только воображаемое.

– Садись, сотрудник, сальца попробуй. Ты такого в жизни не ел. То моя родная сестра с Полтавы переслала, на Украине живёт, да я и сама оттуда. Приехала на Аврору посмотреть двадцать лет назад – и вот... Аврору увидела, а потом увидела пеленки, распашонки, и мужа своего-педаравика. Ой, передовика! – сказала полноватая женщина, одновременно накладывая аккуратно порезанные ломтики сала на кусок хлеба.

Не скажу, что такого сала я, как мне обещали, не ел в своей жизни. Хотя в этой ещё точно не ел, а вот в прошлой моя бабуля в деревне держала свиней. И умела так засмолить сало, что оно в прямом смысле таяло во рту, а шкурка становилась мягкой, удивительно вкусной.

– Ну что, Никитична, доброго молодца накормили, теперь давай решать, с кем его спать укладывать, с тобой али я на что сгожусь, – кумушки загоготали.

Веселые они, горазды поржать.

– Милые дамы, а чего директор наш так сегодня боится за общежитие? – как только женщины отсмеялись, спросил я.

Лица их посерьёзнили, веселье моментом испарилось. Даже я несколько напрягся. Неужели всё настолько плохо, что эти жизнерадостные дамы испугались?

– Так дипломы сегодня вручали. Значит, будут пить, лазить к девкам. А у нас и так одна курвина написала заявление, что её изнасиловали, – серьёзным голосом сказала Никитична. – Ивановна, сегодня же Степан дежурить будет?

– Так кого ещё поставят? Только он, может, и совладает, – тоже абсолютно серьёзно отвечала Ивановна.

– Кто такой Степан? – поинтересовался я.

– Военник наш, ну тот, что детишек научает, как противогазы надевать да автомат разобирать. Лихой мужик, хоть и не фронтовик, но в армии офицером был, – поведала мне пышно-волосая Никитична.

Уже неплохо, значит, мне не одному бегать по этажам. Да и наличие на дежурстве в общежитии преподавателя, которого уже знают здесь все, каждый шкодник, – это само по себе помощь. Насколько я себя помню, подчиниться какому-то чужому, даже если он будет бить себя в грудь и доказывать, что он преподаватель и право имеет – сложно. А я сам хоть и был в молодости хулиганом, но таким, с понятием и с уважением к возрасту и статусу людей.

– Что ж, милые дамы, вечером встретимся. Я же правильно понимаю, что мне нужно подходить к семи часам? – спросил я, намереваясь уже покинуть столь интересное общество.

– Подходи, сотрудник, хлебнёшь и нашей жизни, – философски заметила Ивановна.

Время было раннее, ещё не стукнуло десяти часов утра, потому я успевал ещё съездить домой и даже немного вздремнуть, предполагая, что ночью полноценно поспать не получится. Думал, что сегодня же договорюсь с директором насчёт того, чтобы отдать в ремонт “Волгу”, что стоит на балансе училища. Но дождёмся, когда Семён Михайлович будет в более адекватном настроении. А то ещё ненароком рассоримся с ним вдрызг. А мне не хотелось бы иметь в родном ПТУ врагов. Хотя, полагаю, что обойтись без конфликтов возможно только в одном случае – если я лягу под систему и просто перестану хоть что-то делать, не работая, а отбывая своё рабочее время.

А уж этого точно не будет.

Уже дома, лежа на диване с деревянными подлокотниками иразглядывая замысловатый узор на настенном ковре, я размышлял о том, когда смогу приступить к другим, сопутствующим моей цели миссиям. Мне нужно что-то сделать с самыми гнусными преступниками нынешнего времени. Обучение в школе милиции предполагало изучение многих дел прошлого. Так что о деятельности некоторых преступников я знал, как и о предателях Родины, я знал.

Можно ли жить спокойно и добро наживать, если точно знаешь, что подонки топчут землю и скоро будут всячески отравлять жизнь нормальным честным людям, каким был, да и здесь буду, и я? Вопрос, на который у меня лишь один ответ. А еще нужно как-то ликвидировать “кружок по интересам”, который вот-вот должен быть создан в Ленинграде. Из него вышли всякие рыжие, а ещё опозорившие великого советского писателя Аркадия Гайдара его потомки. И ещё немало сволоты. Нужно думать.

Пообедав приготовленной вчера Таней курицей, я, взяв палку финского сервелата, чтобы кумушки на вахте оценили, поехал снова в общежитие.

Впереди только хардкор, но я готов!

Глава 5

– Ты это что, сотрудник, такое приволок? – спросила Ивановна, когда я с выдохом облегчения поставил большую сумку у стола вахтёра.

– Пепси-кола, – невозмутимо ответил я.

– Ты меня прости, сотрудник, а не уссышься – столько пить? – не преминула задать вопрос и Никитична.

– А я ещё сменные штаны с трусами взял. Так, если случится неожиданность, – не остался я в долгу.

Действительно, я притащил с собой почти двадцать бутылок советской пепси-колы. Я не знаю, как это делает мой отец, талант у него, наверное, такой – умеет доставать любые продукты и большинство дефицитных вещей. Но, что касается пепси-колы, то это, по словам моего родителя, напиток в доме крайне нужный и полезный. Чем именно он полезный, я не знаю. Но мне, человеку из будущего, было намного приятнее пить "Дюшес" и "Буратино". Однако в этом времени "Пепси", если появляется на прилавке, нещадно бьёт вкуснейшие советские газировки.

Что-то я не могу припомнить больше ни одной американской компании, которая смогла бы пробиться на советский рынок и даже открыть здесь собственное производство. В Новороссийске завод по производству пепси-колы работает в три смены, выдаёт до двухсот тысяч бутылок за одну смену. И этого, оказывается, крайне мало. Стоимость одной бутылки – сорок одна копейка, на секундочку, это недешево. А советские напитки стоят почти вдвое дешевле.

– Степан, – ко мне подошёл мужик и протянул ладонь для пожатия.

– Анатолий, – представился и я, пожимая сильную мужскую руку.

Когда кумушки рассказывали мне, с кем придется дежурить в общежитии, я представлял Степана достаточно пожилым человеком. Однако это был мужчина под сорок. Причём, такой сбитый, чуть выше среднего роста, крепыш. Явно мужчина занимается собой. Интересно будет как-нибудь постоять с ним спарринге, пусть не сейчас, не сразу – а когда я в большей степени восстановлю свои прежние навыки. Даже, наверное, те навыки, которыми владел лет до пятидесяти в прошлой жизни.

– Ну что, мальчики, повоюем сегодня? – ударив кулаком в ладонь, будто пришла на бандитскую стрелку, сказала Никитична.

Состроит хмурое лицо – и может сойти за бандитку.

– Что, прямо всё так серьёзно? – спросил я, доставая из сумки дефицитную снедь.

– А кто его знает? На День Победы на верёвке спускали одного за портвейном, так не удержали – и он головой ударился об асфальт. До сих пор все гадают, останется ли дурачком или пойдёт на поправку, – невозмутимым голосом поделилась Ивановна.

– А на Первомай так поупивались, что одному ухо порезали, да не легонько, треть уха оттяпали, – глядя на меня, сказала Никитична.

Это мамзели, наверняка, проверяют меня на стрессоустойчивость. Может, им рассказать одну из своих историй, когда я недолго работал опером? К примеру, везем мы убитого в пьяной драке, приезжаем по месту назначения, в морг – а трупа и нет, и двери "каблучка" нараспашку. И пошли мы по ночному городу выискивать, где потеряли "пассажира". А он зараза полуголый по городу разгуливает. Просто насвинячился голубчик так, что в кому, видите ли впал... в общем, мда. Всякое бывало.

– Что, и вправду финский сервелат принес? – Ивановна взяла палку колбасы и начала её крутить в руках. – Настоящий?

– Чаю попьём? – спросил я.

– Ивановна, а у тебя чай со слоном ещё есть? – с надеждой спросила Никитична.

– Так утром допили. Только грузинская солома и осталась, – развела руками Ивановна.

– Вы бы хоть предупредили, что у нас пир намечается, так и я что-нибудь принёс бы, – сказал Степан.

– Ага, Степан Сергеевич, давно торпеду зашил? Принёс бы ещё чего, так не детей бы мы сегодня унимали, а тебя, кабана здорового, – заметила Никитична.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.